Механический гений сыска

комплект из 2 книг

детективное фэнтези

Альтернативная Российская империя.
Расследования механического сыщика

Тимур Суворкин

Механический гений сыска. Комплект из 2 книг

«Эксмо»
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Суворкин Т. Е.

Механический гений сыска. Комплект из 2 книг /
Т. Е. Суворкин — «Эксмо», 2024 — (Альтернативная Российская империя. Расследования механического сыщика)

ISBN 978-5-04-221452-3

Ариадна Стим. Гений механического сыска В Петрополисе, альтернативном Петербурге, после победы декабристов в 1825 году, расследуют преступления экспериментальный робот Ариадна (полицейская модель № 19) и Виктор Остроумов, единственный человек, кто не побоялся с ней работать. Сможет ли Виктор уцелеть в предстоящих ему расследованиях? И кто для него будет опаснее: городские маньяки, наемные убийцы или его язвительная и самовлюбленная напарница? Проклятие дома Грезецких Продолжение расследований механического сыщика! После раскрытия заговора в Оболоцке способности Ариадны вызывают все большее уважение, а Виктора Остроумова представляют к награде. При этом обстановка в империи продолжает накаляться, грозя не только войной с Декабрией, но и свержением самой императрицы. На фоне этого новое дело о пропаже одного из сыновей известного рода, кутилы и франта, кажется Виктору пустяковым. Но вскоре оказывается, что мрачная усадьба Грезецких в Искрорецке хранит куда больше кровавых секретов. Сумеет ли Ариадна вычислить преступника и спасти Виктора от проклятия рода Грезецких?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221452-3

© Суворкин Т. Е., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Тимур Суворкин 6
Пролог 7
Часть первая 9
0001 9
0010 12
0011 18
0100 27
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Тимур Евгеньевич Суворкин
Механический гений сыска
Комплект из 2 книг

Тимур Суворкин
Проклятие дома Грезецких
Расследования механического сыщика

© Суворкин Т.Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

Гроза разрывала дымное небо. Стена кислотного ливня рушилась на город. За его жгучей пеленой Петрополис исчез, истерся. Все, что я мог видеть, это смутные силуэты башен доходных домов и редкие проблески прожекторов церквей, что указывали путь плывущим над городом дирижаблям.

Шатаясь, зажимая рану в боку, я подошел к окну и саданул по нему рукояткой шокового разрядника. Затем ударил снова. И снова. Безрезультатно. Толстенное каленое стекло наверняка могло бы выдержать даже попадание пули. И это означало только одно – живым из этой комнаты я уже не выберусь.

Стук каблуков по мраморному полу. Скрип открывающейся двери. Я обернулся, глядя в холодные, горящие синим огнем глаза.

Вспышка ветвистой молнии вспорола дымные тучи. Комната на миг озарилась, позволяя мне разглядеть Ариадну. Ее прекрасное лицо было разбито. Биофарфор кожи потрескался, а местами осыпался вовсе, открыв спрятанный под ним металл. Мундир дымился. Длинные лезвия, выпущенные из рук Ариадны, были черны – и черны они были от моей крови.

Каблуки вновь зацокали по мрамору – она двинулась ко мне. Я выдохнул и поднял тяжелый шоковый разрядник, направляя его ствол в грудь сыскной машины. Это заставило ее замереть, выдерживая дистанцию. Впрочем, и я, и Ариадна одинаково хорошо понимали, что все уже было кончено. Машины не устают, а меня покидали последние силы. Сколько я так простою? Минуту? Другую? Рука дрожала. Мундир все больше напитывался кровью.

– Как же так? – тяжело спросил я свою напарницу.

– А чего еще вы от меня ждали, Виктор? – Она пожала плечами. Механично и бездушно, но, как мне показалось, в ее светящихся синих глазах было сочувствие. Сочувствие и глубокая тоска.

– Я сожалею, что все вышло так, Виктор,– произнесла Ариадна, а затем как-то рассеянно поправила осколки разбитого биофарфора на своем лице, даже не замечая, как пачкает его белизну моей кровью.

Она помолчала, а затем негромко добавила:

– Мне было очень приятно с вами работать.

– Мне тоже.– Я сказал это абсолютно искренне, а затем тяжело вздохнул.– Ариадна, я тебя не виню. Я сам во всем этом виноват. Только я. Не ты.

Она на миг замерла. На ее разбитом лице появилась неожиданная робкая улыбка.

– Спасибо, Виктор. Ваши слова были… Важны для меня.

Синий свет в глазах сыскной машины на краткое мгновение потеплел, а еще через миг, как только моя рука дрогнула и тяжелый ствол разрядника повело вниз, Ариадна стремительно рванулась с места, целя мне в горло ударом своих лезвий.

За тот короткий миг, в который она покрыла разделявшее нас расстояние, многое успело пронестись у меня в голове. И самым ужасным было осознание всего лишь одного факта: если бы месяц назад некий Жоржик не выпил за ужином лишнюю бутылку мадеры, то не произошло бы ни дикой череды убийств в Искрорецке, ни раскрытия нами нависшего над империей заговора, ни того, что сейчас моя верная напарница пытается меня убить. Да, мадера и Жоржик – это, без сомнения, самое плохое сочетание, какое можно только придумать. Хуже этого, наверное, только пороховой погреб и тлеющий окурок. Или вино и подмешанный в него цианид. Или я и упорно пытающаяся меня убить сыскная машина стоимостью в сто сорок четыре тысячи золотых царских рублей.

Время почти остановилось. Лезвия Ариадны медленно-медленно резали воздух, неуклонно приближаясь к моему горлу. Моя рука так же медленно поднималась в защитном движении. В голове безумным калейдоскопом неслись случившиеся за этот месяц события…

Часть первая
Терновый сад

0001

«Когда наступает ночь и из сыскного отделения уезжает последний сотрудник, я запираю свой кабинет изнутри. Петрополис за окном тонет в зловещем мраке. Тьма улиц, застланных густым фабричным дымом, становится абсолютной. В этот поздний час даже тяжелые прожекторы, выставленные на перекрестках, не могут прорвать ее дальше пары десятков шагов. Город исчезает. Исчезает для всех, кроме меня.

Я стою перед картой Петрополиса, занявшей всю стену моего кабинета. Подробнейшая, она вмещает и саму столицу империи, и все ее пригороды. Художник постарался на славу, выведя на ней каждую деталь. Вот ощетинилась лесом труб Фабричная сторона, вот прочерчены ажурные конструкции взлетающего над столицей Верхнего города. Я вижу верфи Капонирного острова и плавучую тюрьму «Заря», вижу Тайное село и прижавшийся к Мертвому заливу Искрорецк. Вижу Вертикальную слободу и цепочку фортов, защищающих нас от того, что приходит в залив по весне из Северного ядовитого океана. Петрополис раскидывается передо мной. И я начинаю работу.

Карта пронзена булавками. Их здесь много. Очень много. В дюжине ведьминских кукол вряд ли наберется столько. Ими пришпилены скупые газетные вырезки, фотографии, листки со столбиками цифр. Сегодня их количество увеличится вновь. Я беру свежую вырезку и креплю ее к карте. Затем еще одну вырезку и еще. От каждой иглы я протягиваю алую нить. Такую же, как множество других, что уже тянутся через карту от остальных булавок.

Закончив, я задумчиво осматриваю результат. Паутина из сотен нитей пронизывает город. И все они, абсолютно все ведут лишь в одну точку. Прямо в его центр, туда, где на набережной Екатерининского канала высится здание сыскного отделения столицы.

Я работаю всю ночь. Табачная пелена в кабинете становится гуще, чем угольный дым за окном. Кружки полнятся остатками кофе, черного, как воды реки Смолец.

Мысли стремительно несутся в голове. Один вывод сменяет другой. Наконец, когда уже поднимается солнце и дым за окном чуть светлеет, озарение приходит в мой мозг. Взглянув на булавку, воткнутую возле Золотого села, я еще раз перечитываю текст вырезки и смотрю на фотографию. Все наконец становится на свои места. Теперь мои многолетние поиски наконец завершены…»

– Нет.– Это было единственным словом, которое я произнес после того, как отложил листки с мемуарами шефа.

– Да почему нет? – Расположившийся на противоположном сиденье локомобиля Парослав Котельников, начальник сыскного отделения Петрополиса, недовольно скрестил свои могучие руки на груди.

– Да потому что, Парослав Симеонович, при всем моем к вам гигантском уважении, нельзя, ну просто никак нельзя начинать второй том ваших легендарных мемуаров со сцены, где вы раздумываете, в каком районе Петрополиса купить себе дачу.

– Да как так, Виктор? Ну что значит нельзя? – Парослав Симеонович чуть не выронил от возмущения свою трубку.– Хорошая ж сцена. Напряженная. И диспозицию сразу дает.

– Экспозицию,– осторожно поправил я шефа.

– Да какая к чертям сибирским разница! И самое главное, я сколько раз тебе повторял, Виктор, – это не дача! Это – усадьба! Да я даже больше скажу – имение! Там и пруды, и щучки,

и крыжовник вдоль дорожек! Фонтан в саду и тот есть! А мезонин? Мезонин там какой! Не мезонин – Парфенон целый!

Я устало выдохнул.

– Послушайте, я же со всем уважением, но прошу, откройте вы книгу чем-нибудь другим. У вас же столько блестящих расследований было! Вот хоть, например, дело Обуховского зверя. Или подмена короны Екатерины Третьей. Или, помните, как вы Малахитового душителя задушили? Да в конце концов,– про убийство князя Мериносова-Бельского написать можно, гриф секретности уже снят.

Старый сыщик негодующе фыркнул:

– Ну ты, Виктор, даешь, сравнил ерша с селедкой. Убийцу князя Мериносова-Бельского я полгода разыскивал. А на поиск имения я семь лет жизни положил! Семь! Ты представляешь, насколько это сложное дело было? Чтоб и до сыскного отделения добираться легко было, и пруды со щучками присутствовали, и недорого чтоб, и мезонин был… Какой там мезонин, ну какой же там мезонин! Капитально же сделан – хоть из пушки трехдюймовой пали – ничего ему не будет.

Я закатил глаза.

– Парослав Симеонович… Ну поймите, я же как лучше советую. Ну сами ведь понимаете, другой надо сценой открыть. Более увлекательной. Динамичной. А когда князя Мериносова-Бельского на балу закололи, там как было? Сперва драка с убийцей в маске, потом погоня за ним по крышам. А затем и вовсе перестрелка!

Шеф негодующе всплеснул руками:

– Перестрелка? Вот тебе бы только про перестрелки читать. Виктор, тебе их что, на работе не хватает, что ли?

Парослав Котельников бесцеремонно дернул меня за полу новенького, но уже простреленного сразу в двух местах плаща. Затем расстроенно покосился на сиденье, где лежал его любимый котелок, безнадежно испорченный попаданием крупнокалиберной пули.

Одежду нам с шефом продырявили пару часов назад, когда вместе с командой агентов мы брали банду кровавого есаула Плахова. Несколько дней мы находились в Санкт-Шлиссельбурге, тщательно готовя засаду, и вот, наконец, шайка была разгромлена, а мы погрузились в служебные локомобили, двинулись обратно в столицу.

В дороге каждый из нас убивал время как мог.

Парослав Симеонович черкал в блокноте наброски своих мемуаров. Я как мог давал советы по их улучшению. Сидящая рядом со мной Ариадна – единственная из нас, чей гардероб совсем не пострадал в перестрелке, меланхолично вычищала встроенные в ее пальцы лезвия.

Откинув к своим высоким сапогам очередной покрасневший от бандитской крови платок, сыскная машина поднесла руки к биофарфоровому лицу. Критично оглядев лезвия со всех сторон, она с явным намеком обратила на меня свои светящиеся синевой глаза.

Я взглянул на кучку багровых тряпочек у ее ног, что еще четверть часа назад являлись моими белоснежными, отменно накрахмаленными батистовыми платками. Затем возмущенно посмотрел на напарницу.

Та продолжила требовательно смотреть на меня.

Я нахмурился.

Та в ответ усилила свечение глаз.

Дуэль наших взглядов закончилась тем, что я полез под сиденье локомобиля и демонстративно вытащил ящик с инструментами. Достав оттуда ветошь, я попытался вручить ее Ариадне.

Сыскная машина, не удостоив тряпку и взглядом, продолжила выжидательно смотреть на меня.

Закатив глаза, я убрал ветошь на место и нехотя протянул Ариадне последний из оставшихся у меня французских носовых платков.

– Благодарю, Виктор.– Напарница учтиво кивнула и, приняв белоснежный батист, продолжила невозмутимо чистить свои клинки от крови.

Я вздохнул, разглядывая ее острейшие лезвия.

– Ты только давай как-то аккуратнее в следующий раз. А то ты главаря как свинью разрубила – надвое, от шеи до паха.

– И что с того? – Машина недоуменно посмотрела на меня.

– А то, что ты его при этом из окна вышвырнула. Прямо на базарную площадь.

– Виктор, удар моих лезвий повредил этому человеку как минимум две крупные артерии. Учитывая малую кубатуру помещения, где происходила драка, если бы я не вытолкнула его в окно, кровь с высокой вероятностью выпачкала бы мою служебную одежду.

– А так кровь выпачкала половину прохожих, что были снаружи. И это я не говорю о той купчихе, что под окном проходила. Ее же кишками увешало, что елку гирляндами.– Меня передернуло от воспоминаний.– Ариадна, ну ты же знала, куда окно выходит. Что на улице ярмарка идет. Дети на каруселях катаются, институтки с кавалерами гуляют, и тут ты им человека распоротого на головы швыряешь.

Синий свет глаз Ариадны стал холоднее. В ее голове чуть скрежетнули шестерни.

– Чего вы от меня хотите, Виктор? Я не понимаю.

– Я хочу, чтоб в следующий раз ты по-людски действовала. Мы сколько с тобой дела ведем? Ты обязана становиться более человечной в поступках. Че-ло-веч-ной.

– Но я не человек. Я машина.

– Ариадна, все, не спорь со мной.– Я строго посмотрел на напарницу.– Я знаю, что ты, когда хочешь, вполне можешь себя и по-людски вести. Будь уж так любезна, хорошо?

Прошла секунда, другая, а затем сыскной механизм вдруг мило улыбнулся мне и кивнул:

– Хорошо, Виктор. Вы мой испытатель, вам куда лучше знать, как мне следует себя вести. Если вы считаете, что мне недостает человечности в поступках, то я учту ваши слова, я же самообучающаяся машина, в конце-то концов.

От таких речей напарницы я тут же напрягся, сразу поняв, что здесь что-то не так. Впрочем, от дальнейшего разговора нас отвлек шеф, начавший читать новый отрывок мемуаров, и беседа в салоне локомобиля потекла совсем в другом русле.

Прошло еще полчаса поездки. Реденькая пелена дыма за окном сгустилась и почернела – мы наконец прибыли в Петрополис.

Как и всегда по весне, столица империи тонула в зелени. Стоящие на стремянках рабочие развешивали на мертвые, черные от копоти скелеты деревьев нарядные изумрудные флажки. На темных от угольной пыли фасадах домов трудились маляры, крася лепнину нарядной ярь-медянкой. Сирень и тюльпаны, нарциссы и незабудки, жасмин и ландыши заполнили своими изображениями побитые кислотными дождями свинцовые рекламные щиты. Прожекторы, освещавшие путь людям в фабричном дыму, были забраны цветными стеклами, крася чугунные тротуары в приятный травянистый цвет. В общем, весна окончательно захватила наш город.

Наш локомобиль меж тем въехал на набережную Екатерининского канала, чьи переливающиеся радугой масляные воды уже освободились от грязного черного льда. Вскоре машина завернула на тупиковый путь, встав возле краснокирпичной громады сыскного отделения.

Распахнув бронированную дверь, я вышел на мощенный железными плитами тротуар и с наслаждением втянул в себя густой столичный воздух. Закашлялся и улыбнулся – дым отечества, как и всегда, был сладок и приятен. Впрочем, стоило нам сделать лишь пару шагов к сыскному отделению, как улыбка на моем лице истаяла так же, как и сошедший с тротуаров черный снег.

Возле входа в здание на тупиковом пути виднелся дорогой локомобиль. Непомерно длинный, сверкающий хромом, украшенный перламутровыми и костяными вставками, выкрашенный в нежнейше-розовый цвет, он гордо нес на дверях огромный герб в виде двух золоченых механических кротов, держащих в лапах гигантскую зубчатую шестерню.

Парослав Симеонович за моей спиной мученически простонал. Промышленница Кротовихина сумела стать сущим кошмаром для моего шефа. По степени губительного воздействия на человеческий мозг она превосходила даже мрачных жрецов Тараканьего бога, а по упертости легко могла сравниться с живущими в Сибири однорогами.

Только за последние месяцы она подкинула сыскному отделению целых три расследования, а затем после их окончания просто забрала заявления, обратив все работы в прах. И что самое худшее, Кротовихина была близкой родственницей министра внутренних дел Суховеева, а потому выслушивать вздорную промышленицу всегда приходилось лично Парославу Симеоновичу.

Зимой, например, Кротовихина появилась в сыскном отделении с делом о краже тридцати тысяч рублей из ее конторского сейфа. Как оказалось позже, обчистил его Жоржик – недавно нанятый промышленницей секретарь. Выходец из рода Грезецких, он был настоящей паршивой овцой в благородном дворянском роду, давшем империи немало великих изобретателей и ученых. Абсолютно неспособный к наукам, любящий выпивку и игру, он как раз проигрался в кости и решил за счет денег Кротовихиной поправить свое положение.

В марте пришла пора дела о пропаже фамильных драгоценностей промышленницы. Как выяснилось, их в уплату карточного долга вынес из особняка Кротовихиной тот самый Жоржик, уже успевший поселиться у нее в доме.

В начале апреля был розыск цыгана-инженера, что увел со двора Кротовихиной механического коня, но, конечно же, в итоге виновником пропажи вновь оказался Жоржик, на тот момент уже официально ставший женихом купчихи. Попытавшись подкрутить механизм перед скачками, он полностью сломал стоящую десятки тысяч рублей паровую машину и в панике закопал ее на ближайшем к особняку пустыре.

Как Жоржик ухитрялся проделывать все эти аферы и уверенно удерживать сердце одной из самых неприступных и богатых вдов столицы, ни я, ни шеф представления не имели, и нам лишь оставалось молча восхищаться уровнем его таланта. Впрочем, ясно было и другое – очередные конские махинации Жоржика Парослав Симеонович расследовать не желает от слова совсем.

– Виктор, я, пожалуй, в министерство внутренних дел отъеду,– мгновенно нашелся сыщик.– У меня там доклад скоро. Если Кротовихина спросит, скажи, что меня тут не было. Никогда.

Шеф ловко отступил к локомобилю и, прежде чем я успел напроситься с ним, спешно велел водителю трогаться.

0010

Осторожно войдя в сыскное отделение, я огляделся от дверей. Холл был пуст. Это обнадеживало. Значит, сейчас за промышленницу взялся дежурный агент. Искренне пособолезновав бедняге, я рывком перебежал открытое пространство и спешно поднялся по мраморной лестнице, направляясь к себе в кабинет.

Облегченно выдохнув, я прикрыл дверь – судьба благоволила, и встречи с Кротовихиной удалось избежать.

Сняв шикарный новенький плащ цвета свежевыпавшего пепла, я еще раз со вздохом оглядел испорченную пулями вещь и кинул его в шкаф. Затем притронулся к боку, все еще саднящему от бандитского удара, и вытащил из кармана мундира карманные часы на цепочке.

Изящные серебряные французские часы с хронографом, вечным календарем, репетиром и возможностью проигрывать мелодию «Боже, императрицу храни» не выдержали удара лишенной всяких дополнительных функций деревянной бандитской дубинки.

Я посмотрел на разбитый механизм.

– Черт, ведь недавно купил. Уже к ним привык.

– Думаю, их возможно починить? – Ариадна шагнула ближе. Осколки разбитого стекла вспыхнули синим, отражая свет ее глаз.

Я покачал головой, смотря на погнутый циферблат и вылетевшие шестеренки.

– Нет, дешевле будет взять новые. Ладно, не страшно.– Я пожал плечами, аккуратно отцепил брелок, цепочку и бросил часы в мусор.

Конечно, можно было сдать испорченный серебряный корпус какому-нибудь торговцу, но не пристало представителю благородного и древнего рода Остроумовых заниматься такими делами.

«Даже если до конца месяца у него от жалованья осталось двадцать рублей»,– пронеслась в голове невеселая мысль. Отогнав ее подальше, я сел за стол, заваленный ворохами бумаг.

Заняться было чем и без взбалмошной Кротовихиной: революционеры взорвали локомобиль барона Фоллера – виднейшего члена Промышленного совета, из Военной коллегии похитили чертежи новейшего броненосного дирижабля, а на берегу Мертвого залива нашли тело рыбака, пробитое гарпуном из человеческой кости. И если с бароном уже была ясность – убийцы были установлены и объявлены в розыск, а по броненосному дирижаблю расследование плавно подходило к концу, то вот последнее дело вызывало немало вопросов, так как запросто могло быть связано с ритуалами жрецов сибирских богов.

Вспомнив, что год назад уже происходило подобное убийство, я отправил Ариадну в архив поискать это дело. Кинув на меня очень странный взгляд, она безмолвно ушла прочь.

Отсутствовала Ариадна подозрительно долго. Вернувшись, она положила мне на стол нужную папку, однако возвращаться на свое место напарница не стала и выжидательно посмотрела на меня.

– Что-то еще случилось? – Я отложил бумаги.

– Виктор, я проходила мимо кабинета дежурного агента и сочла необходимым заглянуть внутрь.

– И как там Кротовихина?

– Полагаю, что плохо. Она активнейшим образом источает из себя носовую слизь и слезную жидкость. Понаблюдав за ней, я пришла к выводу, что данные процессы вызваны не химическим, физическим или аллергическим воздействием, а ее огорчением. Также отмечу, что выделение жидкостей она приостанавливала лишь на время яростных криков, в которых неизменно требовала от дежурного агента немедленного предоставления ей Парослава Симеоновича.

– Господи, бедный шеф, мне его жалко.– Я покачал головой и принялся проглядывать принесенную напарницей папку.

– О, за Парослава Симеоновича не беспокойтесь, к счастью, потратив двадцать минут времени, я все же с огромным трудом сумела убедить Кротовихину, что вам, как герою оболоцкого дела, по силам решить все ее проблемы.

– Ты сделала что? – Папка выпала из моих рук.

Ариадна наклонила голову.

– Что вы на меня так странно смотрите? Виктор, у женщины случилась беда. А вы как раз попросили меня вести себя более… По-людски. Вот я посчитала, что помощь ей будет поступком весьма… Человечным.– Ариадна со щелчком улыбнулась.– Я же поступила корректно? Верно?

Я смерил напарницу обжигающим взглядом. Та лишь пощелкала веками в ответ.

– Ну спасибо, Ариадна.– Взявшись за голову, я нервно покосился на дверь, но ничего, кроме как кивнуть напарнице, мне уже не оставалось.

– Всегда пожалуйста, Виктор, все для вас.– Механизм очаровательно улыбнулся и открыл дверь кабинета, вызывая пострадавшую.

Госпожа Кротовихина вошла. Вернее, первой вошла даже не она. Первой в кабинете появилась ее шляпа. Ошеломительно огромная, украшенная фиалками и пунцовыми розанами, ветвями папоротника и ежевики, чучелами попугаев и вальдшнепов, шляпа производила настолько сильное впечатление, что, даже выгляни из этого райского сада сам змей искуситель, я бы, пожалуй, воспринял это как должное.

На секунду замерев, чтобы побороть застрявшие в дверном проеме поля, госпожа Галатея Харитоновна Кротовихина, шурша чудовищно безвкусным платьем и хлюпая носом, прошла в кабинет и тяжело села в кресло, не переставая при этом нервно комкать в руках респиратор из самой нежной розовой замши.

Купчихе было лет сорок. Рыжеволосая, полноватая, она обладала весьма симпатичным лицом, сейчас, впрочем, совершенно испорченным слезами.

Вошедший следом за ней мужчина, в отличие от Кротовихиной, напротив, был весьма спокоен и на заплаканную промышленницу смотрел с плохо скрываемым раздражением. Его тонкие пальцы сжимали изящную легкую тросточку. Строгий костюм-тройка, сшитый по самой последней моде, был безупречен и дополнен идеально подобранным шейным платком, заколотым булавкой с небольшим алмазом.

– Полозов, Орест Генрихович. Управляющий паровым консервным заводом госпожи Кротовихиной,– представился он.

И по его манере держаться, и по тому, что он представился первым, было ясно, что этих двоих связывают не только рабочие, но и дружественные отношения.

Я кивнул ему. Завод был мне известен. Богатой промышленнице принадлежало множество всевозможных предприятий по всему городу и в его окрестностях. Скотобойни и кожевенные мастерские, жироварни и фабрики, производящие смазочное костное масло. Однако самые большие прибыли ей приносил именно гигантский консервный рыбзавод в стоящем неподалеку от столицы Искрорецке.

Галатея Харитоновна меж тем молчала. Вытащив кружевной платок из розового шелка, она оглушительно высморкалась и уставилась в пол.

– Извините, все путается в голове,– наконец, неожиданно тихо произнесла промышленница.– То, что произошло, просто ужасно, но я совсем не знаю, с чего мне начать…

Я не торопил ее. Поведение промышленницы мне не нравилось все больше – создавалось впечатление, что на этот раз у нее и правда случилось что-то серьезное.

Налив воды из графина, я предложил ее даме. Галатея Харитоновна благодарно кивнула.

– Когда не знаете, с чего начать, стоит начинать с самого начала, верно? – мягко спросил я.– Так с чего все началось?

– С чего все началось? – Галатея Харитоновна задумалась, но затем вдруг резко кивнула сама себе.– С ворон. Все началось с ворон.

При этих словах управляющий Кротовихиной тяжело простонал и попытался прикрыть лицо ладонью, но промышленница уже начала говорить:

– То, что меня постигнет несчастье, я знала еще неделю назад. Первый знак появился тогда. Поутру я вышла из своего особняка и увидела каркающих на крыше ворон. Каждый знает, что ворона на крыше дома – это к горю. Но в то утро ворон было ровно тринадцать штук.

– Господи, ну Галатея Харитоновна, опять вы за свое. – На лице управляющего отразилось страдание. – Ну мы же вместе там были. Я трижды их считал. Одиннадцать их было, ворон этих. И, кажется, две из них вовсе были галки.

Галатея Харитоновна мигом стерла слезы и удостоила мужчину тяжелого взгляда.

– Тринадцать их было, я сказала. Итак, тринадцать ворон посетили мой дом. А следующий темный знак последовал через три дня. Служанка услышала посреди ночи страшные потусторонние стоны в подвале. Бедная девушка отважилась открыть дверь. Заглянув туда, она тут же рухнула без чувств, ибо увидела там окровавленный призрак в белых одеждах.

Управляющий застонал вновь:

– Галатея Харитоновна, да какой призрак? Я же сколько твержу – Жоржик ваш это был. Поди, опять впотьмах в погреб полез за мадерой да с лестницы и навернулся. Оттуда и стоны. А на ночном халате вино было, он же как не в себя его глушит.

На щеках купчихи выступили багровые пятна. Глаза сверкнули. Орест Генрихович замолк, и Галатея Харитоновна продолжила:

– Вы сами понимаете, что творилось у меня на душе после этих знамений. А еще через день случилось самое ужасное. Мой Жоржик пропал.

«И слава богу», – пронеслось в голове.

Ариадна же, со щелчком улыбнувшись, посмотрела сперва на меня, а затем на Галатею Харитоновну, после чего заговорила, опережая меня:

– Мы сейчас заняты несколькими крайне важными расследованиями, однако, без сомнения, мы обязуемся помочь вам в поисках пропавшего. Ведь это будет крайне человечным поступком! Итак, как он исчез?

Промышленница с благодарностью посмотрела на сыскную машину и принялась рассказывать:

– Три дня назад мы с Жоржиком были на моем рыбзаводе в Искрорецке. Там мы сильно повздорили. Когда в конторе работа закончилась, я уехала домой, а он отправился к своим братьям на ужин. Они в версте всего от завода живут. И все, как он из их усадьбы ушел вечером, так его больше никто и не видел.

– Кроме тех людей, с которыми он сейчас в карты режется, – тихонько добавил управляющий, но промышленница не обратила внимания на его фразу. На ее глазах вновь появились слезы.

– Я уж не знаю, может, Жоржик и правда после ссоры меня видеть не хочет, а может, с ним случилось что? У меня сердце болит! Я в полиции уже была, все морги и рестораны обзвонила, на все квартиры, где он в карты играет, слуг отправила, ничего, никто его не видел. Я во все газеты написала уже, во все листки. Я к вам ездила каждый день, да Парослава Симеоновича на месте не было. А сегодня я у цыганки знакомой была, она в Инженерной коллегии работает, в отделе прогнозирования ближнего будущего. Пятьсот рублей ей заплатила, чтоб о судьбе Жоржика узнать! И что вы думаете? Только она перфокарты передо мной раскинула, только зарядила их в гадально-вычислительную машину, как оттуда дым пошел, а на табло пять нулей высветилось! Пять нулей! А ведь все знают, что пять нулей означают жуткую опасность! А возможно, даже смерть! Поэтому я сразу же велела Орестушке везти меня сюда, Парослава Симеоновича дожидаться! А его все нет и нет, нет и нет.

Промышленница горько расплакалась. Слезы перешли в истерику. Ревя как индрик-зверь на водопое, Галатея Харитоновна уткнулась лицом в свой розовый респиратор. Лицо привычного управляющего даже не дрогнуло. Не пытаясь утешить хозяйку, он вытащил свежий выпуск «Биржевых ведомостей» и что-то неспешно принялся отмечать там свинцовым карандашом.

С трудом отпоив водой Кротовихину и кое-как уняв истерику, я велел ей писать заявление об исчезновении жениха. Заверив ее, что сыск сделает все возможное для поиска Жоржика, и потратив добрый час на то, чтобы окончательно успокоить женщину, я отправил ее восвояси. Управляющий же на минуту задержался в кабинете.

Посмотрев на нас, Орест Генрихович виновато развел руками.

– Я надеюсь, Галатея Харитоновна вас не сильно утомила? – Он кинул быстрый взгляд на дверь, убеждаясь, что та закрыта плотно, и продолжил: – Вы извините. Она истинная царица

драмы. Вы же, я думаю, сами понимаете, что дело пустое? Запил Жоржик, поди, закутил-завертелся, вот и нет его. Не первый раз уже такое случается. Сыскному отделению-то какое до этого дело? У вас же более важные расследования есть, поди? Верно? Давайте просто подождем, пока все само собой решится. Я выпишу вам чек за беспокойство и закроем эту тему. Пятиста рублей хватит?

Орест Генрихович покровительственно улыбнулся и достал чековую книжку в обложке из кожи сибирского однорога.

Я внимательно посмотрел на собеседника:

– Вы мне что, взятку предлагаете?

Управляющий оценивающе посмотрел на меня и пожал плечами.

– Взятку? Ну что вы, так, благодарность за напрасно потраченное время. Виктор, вы мужчина, я мужчина – вы меня понять должны. Ну кто этот Жоржик? Паяц гороховый. Фигляр. Шут. А она из-за него носится, плачет, да что плачет, она же позорится. Перед всеми позорится из-за него.

Управляющий поискал что-то в пиджаке, а затем кинул мне на стол смятый газетный лист. Это был вчерашний выпуск «Брачного листка», издания весьма известного, которому десятки тысяч жителей столицы поручали свои судьбы. Сейчас же, однако, на первой полосе газеты были не объявления о женитьбе, а совсем иной текст, заключенный в пышную, усыпанную сердечками рамку. Гласил он следующее:

Моему милому Жоржику!

Любимый. Я знаю, что часто была не права. Была излишне строга к тебе, слишком много бранила. Но прошу, прости меня. Даже не прошу – умоляю. Только потеряв тебя, я поняла, чего лишилась.

Господи, Жоржик, как мне тебя не хватает! Как мне тяжело без твоих добрых слов, без прикосновений твоих рук, без твоего смеха и шуток.

Забудем ссоры! Пойми, я не могу ни спать, ни есть. Я выплакала все глаза. Мне не мил свет. Все кругом напоминает лишь о тебе. Я смотрю на портрет прадедушки и понимаю, что у него такие же очаровательные усы, как и у тебя. Я смотрю на статую Геракла в гостиной и понимаю, что его торс так же прекрасен, как твой. Я захожу в спальню и вижу росписи с амурами, и лица их столь же милы, как твое.

Наша любовь была лучом света, греющим мою душу, живой водой, пробудившей мою жизнь! Тем единственным смыслом, почему мое сердце делало новые удары.

Во имя нашей любви, умоляю, вернись, Жоржик. мой! Вернись!
Всем трепетным сердцем, твоя Г. Х. Прости меня.

Дальше под этим текстом разместилось изображение самого мещанско-слащавого, льющего слеза амура, какой вообще мог существовать, после шли ужасающие в своем качестве и количестве стихи, в которых выкупивший газетную полосу аноним твердил о своих душевных терзаниях.

Подождавший, пока я дочитаю, управляющий вздохнул и продолжил:

– Ну это же мадридский стыд просто. И мало того, что она все это в газетах печатает, так она еще и сыск напрягает. У вас же работы по горло, поймите, я просто не хочу, чтобы вы напрасно тратили время. Петрополис полон преступников, зачем заниматься этой нелепицей? Итак, я повторяю, давайте просто уладим это дело. Семьсот рублей, скажем, и пустим эту безделицу на самотек.

Я холодно посмотрел на управляющего:

– Еще раз я услышу о взятке, и вы пойдете в камеру. Ясно? Вы кому деньги предлагаете? Человеку из рода Остроумовых? Вы в своем уме?

По лицу Ореста Генриховича было ясно видно, что он очень хочет съязвить о том, насколько роду Остроумовых сейчас нужны деньги, но я уже поднялся из-за стола и выжидающе взглянул на него.

– Вон отсюда, пока я вас не вывел.

Управляющий, чуть поджав губы, неторопливо убрал чековую книжку и с достоинством вышел прочь. Я же задумчиво прошелся по кабинету.

Признаться, мне очень хотелось отнестись ко всей этой истории, как к забавному анекдоту, но поведение Ореста Генриховича мне не понравилось. Впрочем, даже и без этого в деле существовала еще одна вещь, которая меня напрягала. Пропал Жоржик не где-нибудь, а в Искрорецке, а это место имело весьма и весьма скверную репутацию.

Я подошел к стене, кидая взгляд на висящую там карту губернии.

Искрорецк – небольшой город в сорока верстах от столицы, стоящий на берегу Мертвого залива. За последние два века там пролилось немало крови. Во времена, когда на землю пала Комета и небеса за рекой Обь закутались в зеленый огонь, здесь поселился старец Антрацит и его сектанты. На берегу залива они воздвигли вытесанные из гранита алтари, на которых проливали человеческую кровь, надеясь снискать тем милость сошедших в наш мир сибирских богов.

Затем, когда в эти края пришли войска Петра, алтари были сброшены в залив, а те сектанты, что не успели бежать,– безжалостно перебиты. Вскоре неподалеку вырос монастырь световеров, но и он просуществовал недолго – не прошло и десяти лет, как место это опустело. Что-то огромное пришло в залив из Северного ядовитого океана. Оно разбило каменную церковь, где попыталась укрыться братия, и утащило монахов в холодные воды залива.

Однако люди не бросили эти места. Империи требовалось оружие и чугун, и здесь был построен оружейный завод, а по берегам устроены прикрывающие гавань орудийные батареи, на месте которых позже выросли кирпичные форты.

Многодневные бомбардировки броненосных эскадр Коалиции, пытавшихся взять город с моря, сровняли эти укрепления с землей. Кровь вновь окропила берега залива, но Искрорец выстоял и не сдался врагу.

С тех прошло больше сорока лет. Столица разрослась, жадно раскидывая повсюду нити железных дорог. Некогда уединенный, город, одно время даже считавшийся курортным, сейчас стремительно покрывался заводами и рабочими бараками. Однако темное прошлое этого места отступать не желало. В Искрорецке пропадали люди – за последний десяток лет в небольшом городе их сгинуло уже под сотню. Что было тому причиной – темные силы, безумный душегуб или угнездившаяся у побережья тварь, заплывшая из Северного ядовитого океана, ответов на этот вопрос не смогли дать ни священники, ни командующий местной стражей уездный исправник, ни военные. Тем не менее факт оставался фактом, в безлунные ночи, когда дувший из столицы ветер нагонял на город темные клубы фабричного дыма, здесь исчезали люди. Они пропадали бесследно, не оставляя после себя ни тел, ни крови, точно рассеиваясь в пришедшей из столицы чадной пелене.

Набрав номер начальника стражи Искрорецка, я переговорил с ним о деле Жоржика.

– Ну что, удалось что-то узнать, Виктор? – спросила отошедшая во время разговора в архив Ариадна.

– Да, похоже, с Жоржиком и правда что-то случилось. Локомобиль служебный, на котором шофер должен был его отвезти домой, так и остался возле конторы. Никто из жителей Жоржика не видел. Он из усадьбы к полуночи ближе ушел, а в городе не так чтобы много мест, в такое время открытых. В Петрополисе его друзья тоже о нем ничего не слышали. Все это странно. Придется разбираться. Я запросил курьера с делом Жоржика. Думаю, к вечеру будет.

Впрочем, другие дела нас тоже не ждали. Из-за поездки в Санкт-Шлиссельбург на работе образовался настолько дикий завал, что мне не нужно было обладать дедукцией, чтобы понимать – домой этим вечером я уже не попаду.

В первом часу ночи я все еще сидел в своем кабинете. Окруженный пустыми кофейными чашками, держась из последних сил, я дописывал бумаги. Не ведающая же сна и усталости Ариадна работала подле меня, продолжая отбивать дробь на печатной машинке, подводя итоги очередного из дел.

Глаза слипались. Руки с трудом держали автоперо. Голова то и дело опускалась на грудь.

– Знаете, Виктор, вам нужно больше отдыхать,– негромко произнесла Ариадна.– Это я здесь машина. А вы человек. В вас замена деталей не предусмотрена.

Ее внезапная забота искренне тронула меня. Я чуть улыбнулся напарнице:

– Да, все в порядке. В гробу березовом отосплюсь.

– Виктор, пожалуйста, на сегодня вам стоит прекратить. Я доработаю бумаги в общем зале. Ваши дела я тоже сделаю. Отдохните. Хорошо? – Ариадна мягко притронулась к моему плечу.– Право, дурно вышло, у вас дел невпроворот, а из-за меня на вас еще и новое расследование повисло. Надеюсь, вы меня извините за это.

Меня поразила нежность касания ее фарфоровых пальцев. Почти человеческая нежность…

В этот момент я все понял. Моя улыбка искривилась, став горькой.

– Продолжаешь изображать человечность, как я и просил? Верно? – Я обернулся к напарнице.

Фарфоровые пальцы машины чуть дрогнули. Рука мгновенно убралась с плеча.

Ариадна холодно посмотрела на меня:

– Естественно, Виктор. Это же было вашим распоряжением. Мне перестать?

– Да, будь уж любезна,– чувствуя горечь, отозвался я.– Глупый спектакль вышел.

– Указание поняла,– равнодушно произнесла Ариадна и, взяв печатную машинку, вышла прочь.

С минуту я смотрел ей вслед. Затем фыркнул и швырнул мундир на стул, отстегнул изрезавший шею жесткий, накрахмаленный воротничок и упал на обтянутую зеленым сафьяном кушетку, не раз уже выручавшую меня в таких случаях.

Закрыв глаза, я начал погружаться в дрему. Ничто не мешало мне. Вокруг были только привычные звуки ночи. За окном накрапывал кислотный дождь. Время от времени издалека глухо били орудия броненосцев береговой обороны, отгонявших заплывших в залив тварей из Северного ядовитого океана. Канонада звучала мерно и успокаивающе и была столь же привычна, как шум винтов пассажирских дирижаблей, плывущих над крышей нашего отделения, или стук колес запоздавших локомобилей.

0011

Мне снился дом, в котором я жил в детстве. Снился старый пудель и строгие лики потемневших от времени икон, висящих в красном углу. Снился отец. Сдержанный и собранный, как и всегда. Снилась гостиная, где я часто играл, когда родители уходили. Снился начищенный до блеска янтарь паркета. Снились ряды оловянных солдатиков, которых я любил выстраивать перед камином. Воздушные егеря и саперы, кавалергарды и красавцы-кирасиры, оседлавшие многоногих механических коней, все они застыли перед скачущим вдоль их рядов генералом. Они застыли, и ничто на свете не могло нарушить их ровного парадного строя. Ничто, кроме полыхающего в гостиной огня.

Горели стены. Сыпались искры с потолка. Длинные языки тянулись отовсюду, и от их жара оловянные солдатики падали, оплывали, превращаясь в бесформенную грязную массу.

Кто-то дернул меня за руку, вытаскивая из горящего дома, но сбежать от пожара было нельзя. Улицы полыхали. Огонь стеной поднимался над куполами Небесного града Архангельска. Он вился, танцевал, поглощая один квартал за другим. Я вновь видел то, что случилось более двадцати лет назад. Все так же полыхали дома, все так же вспыхивали взрывы. Зенитные ракеты коммунаров рушились на плывущий в небесах город, а пушечная канонада сливалась с несущимся с колоколен набатом. Тысячи прожекторов били с куполов храмов, и тысячи пожаров поднимались над домами. Ночь обратилась в день.

Пламя было всюду. Даже небо было объято им – там горел императорский флот. Ярче всех полыхал флагман «Императрица Анна Вторая». Могучий четырехбашенный броненосный дирижабль был полностью охвачен огнем, жадно слизывающим с палуб мечущиеся фигурки команды.

Вокруг уцелевших воздушных машин кружили черные тени воздушных кораблей коммунаров. На сцепившихся в абордажной схватке дирижаблях наши матросы отчаянно рубились с закованными в броню солдатами красной лейб-гвардии.

Грохнули новые чудовищные взрывы. Снаряды зенитной батареи коммунаров ударили по скиту святой Есении. Опоры вздрогнули, заскрежетали, и вынесенная за край Небесного града Архангельска платформа рухнула с трехкилометровой высоты, рассыпая по воздуху пылающие бревна и не успевших сбежать с нее людей.

В бегущей толпе я снова увидел отца. Избитый до полусмерти, он висел на руках тащивших его офицеров Тайной канцелярии. Их оружие было обнажено. Впрочем, если бы бегущие в панике горожане узнали бы, что в эту ночь сотворил мой отец, то ни шпаги, ни пистолеты офицеров не смогли бы остановить расправы – немедленной и кровавой.

Прошел миг, отец исчез в толпе. Затем что-то взорвалось в глубине города. Мучительно заскрежетали могучие опоры. Лопнули тросы. Улица небесного града начала крениться. Бежавшие рядом мать и сестра рухнули в черную пустоту.

Образы дернулись, понеслись, рванулись скачками. Улицы, площади, переулки. Крики и огонь. Огонь и крики. Тяжелый сон не желал заканчиваться, так же как не желал заканчиваться лабиринт рушащихся улиц, по которому я бежал. Окружающий меня Небесный град Архангельск смазался, истерся, его проулки стали сменяться то кварталами Петрополиса, то кривыми улочками Искрорецка. Не менялось лишь одно – пламя – оно было всюду.

Что-то настигло меня сзади, рвануло и развернуло к себе. Сам слепой старец Антрацит высился надо мной. Давно мертвый, одетый в вывалянный в угле балахон, он оскалил желтые зубы и властно опустил костяную руку на мое плечо. Затем сильно сжал его. Тряхнул меня. Затем снова. И снова. И снова.

Он тряс меня без остановки, до той поры, пока я не разлепил глаза, до той поры, пока костяные пальцы не оказались покрытыми металлом и биофарфором, а глаза мертвеца не вспыхнули синим светом.

Я наконец проснулся. Затем покосился на сверкающий бронзой циферблат каминных часов. Стрелки двигались к эмалевой вставке с цифрой «IX». До начала работы оставалось всего полчаса.

– Виктор, вы уже переключились в режим бодрствования или вас нужно продолжать будить? – спросила Ариадна, продолжая трясти меня за плечо.– Виктор? Я не слышу ответа. Вставайте же, вы сами мне сказали, что отсыпаться планируете в березовом гробу! Вста-вай-те.

Мученически вздохнув, я приподнялся на кушетке и кисло улыбнулся новому дню.

– Как прошла ночь? – спросил я Ариадну.

– Продуктивно. Невероятно продуктивно. Я отлично поработала. Похитители чертежей броненосного дирижабля вычислены.

Я широко зевнул, прикрывая рот рукой.

– Рад за тебя. Хоть у тебя ночь прошла хорошо.

– Да, Виктор, вы и правда спали довольно дурно. Много кричали во сне. Мне было слышно даже из общего зала.

– В следующий раз, если буду кричать – разбуди меня.

Ариадна внимательно посмотрела на меня. Я с удивлением увидел, как свет ее глаз потеплел.

– Спасибо, Виктор. Это неожиданно. И… Я очень ценю ваши слова. Но, право, иногда вы проявляете просто непонятно сильную заботу обо мне. Не беспокойтесь, я же крайне совершенная машина. Я просто понизила чувствительность слуховых приемников, и вы совершенно мне не мешали своими криками. Но спасибо за заботу, Виктор. Мне очень приятно.

Она улыбнулась мне и пощелкала веками.

Мученически вздохнув, я накинул мундир и, взяв зубного порошка, отправился чистить зубы. Хорошенько умывшись холодной, почти нержавой водой, я даже сумел сбросить сонную одурь.

Вскоре мы с Ариадной снова сидели в кабинете. Было время завтрака. Ночевал в сыскном отделении я не первый раз, а потому в столе у меня было все необходимое.

Кинув мешочек с молотыми зернами кофе в маленький, на два стакана, самовар-кофейник из черненого серебра, я запалил под ним спиртовку и вытащил другую нехитрую снедь: банку сухого печенья, горький шоколад и консервы с жареными миногами.

Сыскная машина выдвинула из-под стола тяжелый ящик с гербом Инженерной коллегии. Щелкнув замками, вытащила высокий светящийся флакон с концентратом крови, поддерживающим биологическую часть ее механизма.

Свернув с него крышку, машина принялась неспешно пить рубиновую жидкость. Я же достал серебряную вилку и принялся расправляться с аппетитными золотыми миногами. Завтрак пошел своим чередом.

Кофе, однако, я спокойно попить не успел. Стоило мне налить его в кружку, как дверь в кабинет распахнулась. В проеме показался поручик Бедов, и выглядел мой приятель в высшей степени плохо.

Мундир сыщика был покрыт грязью, сажей и винными пятнами. Лицо хранило следы тяжелой бессонной ночи, ну а прическа выглядела так, будто где-то неподалеку от Бедова разорвался фугасный снаряд.

Тяжело пройдя в мой кабинет, поручик рухнул в кресло и застонал.

– Господи, что случилось? – только и спросил я у приятеля.

– Женщины. Женщины случились. Все зло от них.– Поручик с неприязнью посмотрел на Ариадну.– От них. И от роботов. Но от женщин больше.

Сыщик взял с моего стола бронзовое пресс-папье и приложил ко лбу. Помолчав немного и откровенно наслаждаясь холодом металла, поручик наконец излил душу:

– Виктор, ну ты представь – на днях с институточкой познакомился, то да се, туда-сюда, а она мне на прогулке и заявляет: «Господин Бедов, а вы знаете, что ученые доказали, что для мозга полезно ходить домой разными дорогами? Не хотите ли попробовать на досуге?»

Поручик зло сжал кулак.

– Ну я ж дурак, меня жизнь же ничему не учит, опять послушался женских советов. Вчера, значит, пошел я со службы домой и решил не по Жировой улице идти, а через Серомостье двинуть. Иду себе, а там, смотрю, рюмочная незнакомая, но я же сыщик, профессионал, мне же нужно посмотреть, что там за контингент. Зашел, одну наливочку выпил, вторую, и тут кто в рюмочную заходит?

– Кто?

– Ну ты ответь?

– Да не знаю я.

– В рюмочную заходит сам Пирофей Испепелецкий. А я этого ханурика три месяца за поджоги банков ищу. А он сам приходит. Вот такие пироги с кутятами. Он как меня увидел – сразу за револьвер. Ну и я револьвер выхватил. А как мы барабаны опустошили, он бежать кинулся. А мне что делать? У меня ж инстинкт – пришлось за ним. Господи, как идиоты мы с ним по переулкам да по Угольному рынку два часа бегали. Туда-сюда, туда-сюда. А потом он в публичный дом на Щеповой улице влетел. Я за ним. Он на третий этаж, я тоже. Так он окно выломал и с третьего этажа сиганул.

– А ты?

– Я что, дурак с третьего этажа прыгать? У меня казенная только должность. А здоровье свое личное. Да и господи, девочки все там перепуганные были. Это ж сам Испепелецкий, ты его морду видел? Что поделать, пришлось остаться, дабы всех успокоить. Ну в общем, пока я порядок наводил, смотрю, там девочка такая симпатичная, зеленоглазая. Сразу я понял, что ее расспросить надо о случившемся, вдруг что заметила. А тут еще хозяйка мне лафита поднесла.– Бедов перевернул пресс-папье, пристраивая его ко лбу холодной стороной.– Я когда опомнился, уже семь утра. Семь утра! Оставил я, в общем, мою черноглазку…

– Ты говорил, у нее глаза зеленые.

Бедов обиженно посмотрел на меня:

– Виктор, я профессионал высшей пробы, один из лучших сыщиков в отделении – конечно, я всех опросить должен был. В общем, схватил я мундир в руки и сюда. Господи, как же мне плохо. В голове будто Измаил берут.

Я заботливо подал приятелю самовар-кофейник.

Поручик благодарно кивнул, вытащил из-под него спиртовку и, свернув крышку, жадно выпил содержимое.

Щеки Бедова порозовели.

– Виктор, не человек ты – золото. Памятник бы тебе поставить нерукотворный. Тропа бы к нему точно не заросла. Всегда знаешь, чем выручить. У меня в кабинете как раз все кончилось до капли. Слушай, еще спиртика дашь?

– Какого к черту спиртика? – не выдержал я.– Ты в своем уме? Бедов, планерка через час. Если Парослав Симеонович обнаружит, в каком ты состоянии, он из тебя фрикасе потартарски сделает!

– Спокойно. Все будет хорошо. Щас мундир переодену, в себя чуть приду…

– Какой мундир? Какой в себя приду? А ну сиди!

Схватившись за голову, я начал как мог спасать приятеля. Нагрев еще воды, я наполнил стакан и, закатав рукава, сел перед потухшим камином, принявшись скрести давно не чищенный дымоход своей серебряной чайной ложечкой, то и дело окуная ее в стакан. Наконец, вода в нем стала угольно-черной от сажи. Влив сию микстуру в поручика, я приготовил еще одну порцию напитка. Затем еще.

Наконец чуть подлеченный Бедов был выставлен за дверь. Часы меж тем отбили девять.

Быстро опрокинув в себя стакан остывшего кофе, я принялся подбивать бумаги. Ариадна меж тем листала прибывшее с курьером дело Жоржика, а вскоре нам пришло время идти на планерку.

Кабинет Парослава Симеоновича был полон. Сыщики и особо важные агенты сидели вдоль длинного черного стола. Поздоровавшись с коллегами, мы с Ариадной быстро сели на свои места. Вскоре подле нас умостился и заметно посвежевший после выпитой сажи Бедов. Сцепив руки, он столь ловко изобразил рабочую деловитость, что я даже покачал головой от актерских данных коллеги.

Шеф, впрочем, не обращал внимания ни на Бедова, ни на остальных собравшихся. Покуривая трубку, он просматривал какие-то бумаги. Парослав Симеонович был не в духе. Когда все собрались, он поднял на нас глаза.

– Значит, так. Дела у нас из рук вон плохи. Я только что из особняка генерала Асмолова вернулся. Ночью туда ворвался вооруженный отряд. Семь человек. Все с масками на лицах, в одинаковой серой одежде. Вооружены были саблями и крупнокалиберными револьверами. Профессионалы. Перерубили всю охрану, слуг, что на пути встретились, тоже перерезали, да генерала вместе с любовницей прикончили прямо, так сказать, на ложе страсти.

Я присвистнул – про Асмолова я много слышал. Свиты Ее Величества генерал-майор возглавлял роту дворцовых гренадер, что обеспечивали безопасность самой императрицы.

– Революционеры? – спросил я шефа.

Парослав Симеонович задумчиво посмотрел в потолок и закурил, затем кинул мне через стол пару пластин карманной обскуры.

Первое черно-белое изображение запечатлело седого генерала с пышными бакенбардами и его совсем молоденькую любовницу. Зарубленные, они лежали на смятой постели. Крови много, простыни были черны от нее. На второй пластине – стена спальни и большая темная надпись: «Царским собакам – собачья смерть». Ниже подпись – «Рабочая дружина имени Пестеля».

– Кровью написано? – только и спросил я.

Парослав Симеонович кивнул.

Ариадна внимательно посмотрела на пластины обскуры.

– Какое безумие. Я не понимаю этого.– Она тяжело покачала головой.– Как можно провести такую сложную операцию, привлечь столько людей и при этом придумать такую неизящную фразу? «Царским собакам – собачья смерть». Ну что это? Это же не звучит даже. Ну неужели неясно, что, если написать «Царским псам – собачья смерть», это будет уместнее? Да, чем больше я работаю среди вас, тем больше вы, люди, меня неприятно поражаете.

Ариадна осуждающе покачала головой и отложила пластину. Шеф меж тем продолжил говорить:

– Расследование будет резонансное. Убийц любой ценой найти нужно. Заниматься им буду лично я. В помощники мне четверо сотрудников для начала понадобятся.

Я напрягся и почувствовал азарт. Дело представлялось мне крайне интересным.

Парослав Симеонович меж тем оглядел зал, выбирая, кого он возьмет себе на помощь.

– Скрежетов.– Шеф кивнул на иссеченного шрамами секунд-майора с квадратной алюминиевой челюстью и механической рукой.

Шеф принялся оглядывать кабинет дальше.

– Серебрянская.– Тычок трубкой в сторону молодой белокурой дворянки.– Что ж, посмотрим на тебя в деле, уж больно хорошие о тебе рекомендации.

Эту девушку я знал мало. Ее перевели к нам из Москвы Огнеглавой в ту пору, когда мы с Ариадной занимались расследованием в Оболоцке. Впрочем, успевшие поработать с ней коллеги отзывались о Серебрянской весьма лестно.

Парослав Симеонович меж тем помедлил, оглядывая оставшихся людей.

– Могилевский-Майский.– Кивок на штабс-капитана с пронзительно-черными глазами и прямо-таки мертвецкой бледностью на лице.

– И…– Парослав Симеонович осмотрелся, по сторонам.– И…

Шеф задумался, выбил из трубки пустую ампулу табачной настойки, вновь осмотрел присутствующих, вздохнул:

– Ну и Бедов. Пожалуй, так.

Внутри меня все упало. Я, конечно, ничего не сказал, не дело было указывать шефу, как ему работать, но, видимо, на лице у меня эмоции выступили достаточно сильно.

Парослав Симеонович повернулся ко мне.

– Виктор, ну что ты на меня смотришь как карась на сметану? Я бы тебя взял, конечно, в команду, но мне доложили, что за тобой теперь дело Кротовихиной. Вот им и занимайся.

Еще не хватало, чтоб она мне мозги клевала, пока я убийством генерала Асмолова занят. Сам же взялся, верно? Верно. Какие вопросы тогда? – Сыщик пожал могучими плечами.

– Ну, спасибо, Ариадна,– только и шепнул я напарнице.

Шеф меж тем продолжил:

– Да, и вот еще что, Виктор. Раз уж туда выдвигаешься, заодно изучи дело по пропажам людей в Искрорецке. С этим давно разобраться пора. Уездный исправник его не вытягивает. Помоги ему. Тридцать тысяч человек всего в городе, и десять лет уже ни единой зацепки нет. Свежий взгляд не помешает.

Я кивнул шефу, продолжая с завистью поглядывать на сыщиков, отобранных для расследования убийства генерала.

Как только планерка закончилась, мы сразу же отправились в Искрорецк.

Сегодня в Петрополисе было на удивление малодымно, я мог видеть рельсы на добрых сто шагов, а потому, врубив прожекторы локомобиля, я быстро повел машину вперед.

Миновав Крюковский канал, мы выехали на сверкающую дорогими локомобилями Французскую набережную и оставили позади чудовищный, похожий на возносящуюся к небесам пирамиду, дворец Промышленного совета, возле которого на каменной глыбе стоял стерегущий вход гигантский механический всадник. Дальше открылась вечная, не прекращающаяся вот уже двадцать лет стройка. Мы выехали на Холодную набережную, минуя громаду Зимнего дворца, слепо смотрящую на город заваренными стальными листами окнами.

Показалась Петропавловская крепость, страшащая небеса дулами крупнокалиберных пушек. В каком-то из ее безымянных бастионов был пожизненно заключен отец. Без права переписки и встречи с людьми. Что с ним сейчас, в рассудке ли он и что думает о своем поступке теперь? Я вздохнул, понимая, что, скорее всего, никогда этого не узнаю.

Между тем мы миновали Чугунолитейный мост, и под колесами понеслась Сампсониевская набережная – черная от копоти, прижатая к реке громадами фабрик и бумагопрядильных мануфактур, обросшая прогнившими тушами жилых бараков и дешевых доходных домов, жадно впивающаяся в низкое небо сотнями заводских труб. Дым стал гуще, в его чадной пелене было видно множество безликих фигур рабочих, трудящихся возле верениц стоящих у причалов барж.

Наконец город стал ниже, прижался к земле, распался, и мы выехали на идущие вдоль берега пути. По левую руку потянулась черная гладь Мертвого залива. Вдали показалось несколько силуэтов броненосцев береговой обороны. Под прикрытием бронепалубного храма, непрерывно оглашающего воды звоном установленных на мачтах колоколов и пускающего освятительные ракеты, военные корабли били из пушек по чему-то находящему за горизонтом.

Столичный дым меж тем обратился в кисею, а она уже в тонкую рваную поволоку, едва-едва заметную глазу. С неба било непривычное солнце, и я накинул защитные очки. Поездка прошла почти без разговоров, Ариадна жадно смотрела в окно, впиваясь взглядом в спокойную гладь залива, я же витал в мыслях, обдумывая скорее ночное убийство генерала, чем предстоящее нам дело.

Впрочем, так просто приступить к расследованию не удалось. Неподалеку от Искрорецка стрелочник указал нам на запасные пути. После короткой беседы выяснилось, что этой ночью революционеры взорвали единственный железнодорожный мост, что вел в город. В устье реки рухнул целый эшелон пушечных броневиков, выпущенных на искрорецком оружейном заводе. Что ж, неудивительно. Все в воздухе дышало войной между империей и Декабрией, а потому революционное подполье постоянно пыталось помочь уральским коммунарам в предстоящей схватке.

Узнав, где находится паромная переправа, мы снизили скорость и направились туда.

Билеты получилось купить быстро. Сидящий в окошке старичок-кассир изумленно уставился на фарфоровое лицо Ариадны и, почесав лысину, полез в служебные книги, пытаясь понять, нуждается ли моя механическая спутница в отдельном пассажирском билете или ее нужно оформлять как сопутствующий багаж.

В очередной раз поглядев на часы, я просто велел выдать два билета, добавив сверху двугривенный лично для кассира.

Не прошло и мгновения, как серебряная монетка с симпатичным профилем Екатерины Третьей исчезла в руках сразу повеселевшего старичка. Откинув замусоленные служебные книги, он завозился с огромным, утыканным клавишами кассовым аппаратом, и вскоре мы с билетами направились к краю причала.

Здесь уже пестрела ожидающая паром толпа людей. Пройдясь вдоль нее, я заметил священника. Подтянутый, с пышной бородой цвета желтой охры, он был одет в обычную для наших мест прорезиненную черную рясу и носил на груди большой, покрытый синей эмалью крест. Возле его хромовых сапог стояла пара корзин со снедью.

Неспешно очищая ножом солидный кусок кровяной колбасы, батюшка то и дело строго поглядывал в светлый небесный зенит.

Я тоже поднял взгляд вверх, но ничего необычного не увидел. Лишь в вышине над нами плыл изрыгающий черный дым трехбашенный броненосный дирижабль, да вдали виднелся клин шестикрылых гогар. Издавая утробный вой, хлопая многометровыми крыльями, гигантские твари улетали в сторону Северного ядовитого океана. Там, среди неприступных утесов, вздымающихся над полнящимися зеленым сиянием водами, они будут пережидать слишком жаркую для них погоду, чтобы затем, с первыми холодами, вновь вернуться на материк.

Что-то неясное защемило в груди, а на сердце вдруг стало легко-легко и чисто.

– Весна пришла,– с улыбкой сказал я, смотря на удаляющийся вдаль птичий клин.

– Да, дал Господь, пережили зиму.– Строгость вдруг пропала с лица священника. Смотрящий в небеса батюшка тоже не смог сдержать улыбки.

– Вы из Искрореца? – Такой вывод я сделал из-за того, что на поясе у священника не было сумки для респиратора.

– Из него самого.– Батюшка наконец повернулся к нам и вздрогнул. Затем поправил очки, переводя взгляд то на меня, то на Ариадну.– Быть не может! Виктор Остроумов! Вот так да! Собственной персоной! Мы ж с матушкой за здоровье ваше только вчера свечку ставили! Ох, знатно вы этим сектантам оболоцким перцу всыпали, ох и знатно! Так этим светобесам и надобно! Эта вот машина их в подвале и подвзорвала?

Священник подошел к Ариадне и внимательно осмотрел мою напарницу.

– Ишь какая вещица, сделано-то как причудливо, ну это ж надо! Ох, а пощелкивает-то как! Прям шкатулка музыкальная, но только без музыки.– Батюшка вдруг опомнился и представился: – А я отец Герментий. Настоятель церкви Святого Мученика Левонтия Заобьского. Мы с матушкой постоянно о вас в газетах читаем.

Отец Герментий внезапно спешно начал рыться в корзине. Вскоре на свет появился здоровенный бумажный сверток с салом.

– Вот, я просто обязан вас чем-нибудь отблагодарить – вы ж всю столицу спасли! Да держите вы сало, не брезгуйте. По двадцать восемь копеек фунт! Не сало – сказка персидкая, я ее уже три года беру!

С огромным трудом вернув сверток его восторженному владельцу, я предпочел получить от батюшки информацию.

– Если хотите меня отблагодарить, лучше помогите мне с делом. Мы планируем посетить семью Грезецких. Кстати, насколько я понимаю, усадьба их там?

Я кивнул за реку, туда, где заканчивались ряды краснокирпичных фабрик. Сдерживая лезущие в небо гигантские здания, там рос запущенный терновый сад. Темные громады цехов

возвышались прямо над ним, давили его своими стенами, жали, но справиться с его переплетенными, упрямо упирающимися в закопченные кирпичи шипастыми ветвями у них так и не получалось.

Деревья жили, хотя заводской дым уже плел над ними свой скрывающий солнце саван. Ветви их сейчас покрывали белоснежные, совершенно неуместные в этом фабричном городке цветы.

Огромный сад переходил в усадебный двор. На берегу залива стоял большой дом с мезонином, несколько флигелей и с десяток ангаров и мастерских. С другой стороны от дома шел усадебный парк, заросший чахлыми тополями, за которыми вновь поднимались фабричные стены.

Батюшка при моем вопросе о Грезецких сильно помрачнел, затем заговорил, несколько понизив голос:

– Это жуткие люди – так и знайте. Не семья, а узел гордиев, из змей связанный! После того, что предок их сотворил, род их проклят Господом на веки вечные. Все Грезецкие до одного безумны – одна их Аграфена чего стоила.

Я прикрыл глаза, старательно пытаясь вспомнить занятия в духовно-механическом училище. Давалось с трудом – все же окончил я его двенадцать лет назад.

– Аграфена Грезецкая – это та, что век назад предложила концепцию освященного водорода?

– Да нет же, Виктор, ну вы что? Правила освящения водорода Аглая Грезецкая разработала, а Аграфена Грезецкая – это та, что полсотни человек в подвале той усадьбы зарезала.

– А, господи,– я махнул рукой,– вечно я их путаю. Обе же на «а». И зря вы на Аграфену наговариваете. Про убийства это все газетчики придумали, чтоб тиражи поднимать.

– Газетчики? Да она служанок своих без счета сгубила! По утрам их кровью умывалась, а вечерами жир человечий в фонари заправляла и фонарями теми в колодец светила, что в подвале усадьбы упрятан. А колодец тот бездонный и самой преисподней достигает. А на свет жира людского, горящего из адовой тьмы, сам Кот-Катафот выбирался в человеческом обличье. Один глаз у него оранжевый был, а другой – красный! Аграфена его кровью с молоком поила, а потом, всю одежду с себя сняв, кружилась она с ним в танцах непотребных по залам, зеркалами выстланным.

– Помилуйте, Аграфена Грезецкая сто с лишним лет назад жила, ну вот откуда такие подробности? – Я не выдержал.– Великая ведь исследовательница территорий за рекой Обь была, от самой Анны Иоанновны награды имела. Ну за что ей такое? Вам нужно меньше читать желтую прессу.

Батюшка насупился, но отступать не пожелал:

– Про Аграфены дела мне еще прадед рассказывал, а он многое знал – у него брат двоюродный при Тайной канцелярии служил писарем, то-то! Да и что про Аграфену говорить? Вот на нынешних Грезецких посмотреть достаточно. Альберт Клементьевич, покойничек, чьи дети тут живут, что он делал? Мечтал с самим Богом потягаться! Построил из мертвого чугуна истукана на паровом ходу, да всю жизнь пытался человеку его уподобить! Чувствам научить и любви! Хорошо, что вовремя ему голову раскроили добрые люди.

Я чуть не поперхнулся от слов батюшки, а разошедшийся отец Гермeнтий продолжил вещать как ни в чем не бывало:

– Теперь там в доме наследники его живут – двое братьев и сестра их. И все они люди пропащие. Вот старший брат Платон Альбертович. С виду он человек человеком – профессор медицинско-механических наук – протезы для калек делает, да только это для вида, в душе он паук стоногий, так и знайте! А брат его двоюродный? Аврелий Арсеньевич Белоруков? – Священник понизил голос до шепота: – Он же тварь кровавая. Начальник жандармский.

Я попытался прервать священника:

– Вы бы поменьше такое говорили. Проблемы у вас могут возникнуть.

Отец Гермeнтий с вызовом посмотрел на меня.

– А я правду говорить не боюсь,– не поднимая голос с шепота, продолжил он.– А вы что, не согласны со мной? Или, может, считаете, что нормально это – свинцом да штыками стачки рабочие разгонять?

Отец Гермeнтий вздохнул.

– У нас на оборонном заводе сами слышали, что было, когда забастовка началась. Как явились жандармы, так мне дюжину человек отпеть пришлось. Это же ужас кромешный, что жандармы у нас творят. И я не знаю даже, кто лучше отделался, те, кого убили, или те, кто под арест попал.

Мы помолчали. Крыть слова священника мне было нечем.

– Да что про Белорукова говорить,– махнул рукой священник.– Вот сестрица Платона Ника. Она чиновник. Но где? В Сибирской коллегии!

А вот эту фразу батюшка сказал уж слишком громко. Несколько стоящих рядом старушек пугливо вжали головы в плечи и начали креститься. Дородный купец перестал есть сайку и отшагнул подальше от нас, принявшись читать молитву.

Отец Гермeнтий же продолжил:

– Виктор, вы поймите, у нее в подвале целая лаборатория. Она там такие вещи творит, что меня каждую неделю к Грезецким вызывают, святой водой стены усадьбы кропить. И ладно лаборатория, но она ж по ночам с сектантами сибирских богов якшается! Это я точно знаю! Но ладно Ника, а брат ее, Феникс? Если бы вы знали, сколь богопротивно и уродливо то, что он в недрах своей мастерской черной построил.

Священника передернуло, и он резко посмотрел в небо.

– И что же это? – мгновенно переспросил я.

Отец Гермeнтий глубоко вздохнул, напрягся, точно готовясь войти в стылую воду и наконец, выпалил на одном дыхании:

– Срамолет.

– Что?

– Срамолет. Я же говорю. Машину крылатую тяжелее воздуха. Это кошмарно. Уже месяц она нам небеса гадит. Ведь сказано было святым Паисием в проповеди, что дал Господь лишь три способа человеку для движения по небу – воздушный шар, дирижабль и Небесный град Архангельск. И более ничего. Виктор, ну ясно мне, почему шар воздушный летает – это физика элементарная. Ну понятно и ребенку, почему не падает на землю Небесный град Архангельск. С дирижаблями броненосными элементарно – наполнил оболочку водородом, поставил иконостасы на палубу, запитал от них вычислительные мощи, подключил к ним флогистонный ковчег, водород освящающий, и готово. Но срамолет? Это вообще что такое? Фитюлька! Виктор, я туда лично залезал – там внутри вообще ничего нет. Не то что иконостаса, там даже икон на приборной панели, и то не уставлено.

Я недоверчиво покосился на священника:

– В смысле не установлено? А как без них альтиметр будет верные показания выдавать? А в облачности за счет чего ориентация? Да в конце-то концов, в случае аварии что безопасность пилоту обеспечит?

– Да, вот я и говорю – это ж позор небесный, а не машина. И вот этот чертоплан у нас над городом круги теперь нарезает каждую неделю. Ну ничего, ничего,– я уже отцу Лаврентию в Беломорский монастырь письмецо-то написал. Он звонарь известный, как приедет, там поднимемся мы с ним на колоколенку, подождем, как срамолет этот поближе подлетит, да так его звоном малиновым и угостим! Он у нас долетается, что твой Симеон Волхв. Он у нас власть сырой землицы носом своим поклюет, я обещаю.

Отец Герментий кровожадно рубанул ножом по колбасе. Разговор прервался – с того берега наконец подошел паром, и мы направились в Искрорецк.

0100

Минуя ряды фабрик и рабочих бараков, мы ехали к принадлежащему Кротовихиной консервному заводу. Тот стоял на берегу залива.

Десятки высоких цехов хищно нависали над черной гладью воды, изрезанной бетонными пристанями. Жадно высунув черные ленты транспортеров, они безостановочно поглощали сгружаемую из причаливших судов рыбу, утягивая трепещущее серебро в царящую под их крышами дымную тьму.

Судами дело не ограничивалось: вбившиеся в небо острые, как гарпуны, причальные мачты удерживали промысловые дирижабли, с которых лебедками сгружали окровавленные туши смертекатиц и многоглазые тела заплывших из Северного ядовитого океана акул-молохов.

Еще один небольшой, но богато украшенный дирижабль нежно-розового цвета покачивался на причальной мачте, стоящей у заводской конторы. По ее лестнице спускалось несколько фигур. Похоже, Галатея Харитоновна проверяла свои обширные владения.

Это было нам на руку – перед визитом к Грезецким мы как раз хотели посетить завод, дабы задать пару связанных с делом вопросов, которые пришли мне в голову уже поутру.

Направившись к конторе, я невольно окинул взглядом завод – грязный двор, краснокирпичные стены, обросшие кривыми пристройками рабочие бараки вдали. Я вздохнул и опустил взгляд к земле.

– Что такое, Виктор? – Ариадна с интересом посмотрела на меня.– Вы впали в какую-то задумчивость. У вас появились мысли о деле?

– Нет,– помотал я головой.– Просто вспомнил сахарную фабрику. Знаешь, бараки тут очень похожи. Почти одинаково выглядят. И внутри там наверняка все так же, как и у Кошкина. Да и на всем заводе тоже.

– Мысль, что Жоржика похитили рабочие, кажется мне весьма маловероятной. Считаю, что данный завод не относится к нашему делу.

– В том-то и дело, что не относится.– Я пожал плечами.– Вот сейчас мы проведем расследование, найдем Жоржика в каком-нибудь местном борделе, вручим Кротовихиной и уедем отсюда. И все.

– И? – уточнила Ариадна, кажется, искренне пытаясь понять, к чему я клоню.

– Ты не понимаешь,– бросил я и прекратил разговор – все равно мы уже поднимались по ступеням фабричной конторы.

Первый этаж встретил нас деловитым стуком печатных машинок. Два десятка человек работали в зале. Вдоль их столов вышагивал Орест Генрихович. Управляющий явно был зол. При виде нас он вздрогнул. Затем, взяв себя в руки, шагнул навстречу.

– О, вы зря явились. Жоржик-то жив и здоров оказался.

– Он нашелся? – уточнил я, чувствуя невольное раздражение.

– Не совсем,– зло процедил Орест Генрихович, но, увидев мои непонимающие глаза, чуть успокоился и пояснил: – Этот жук подколодный посылку нам ночью у ворот оставил. Вы представляете? Его Галатея Харитоновна с собаками ищет, а он посылки шлет!

– И что там было?

– И знать не хочу. Вот Галатея Харитоновна как раз только что прилетела, открывает ее сейчас. Если вам надо – то давайте в кабинет к ней вас провожу.

Управляющий указал на второй этаж. Пройдя лестницей из итальянского розового мрамора, миновав бестолково завешанный цветастыми картинами коридор, мы через приемную вошли в кабинет Галатеи Харитоновны.

Здесь царила уютная полутьма. Портьеры на окнах были прикрыты, и огромный, отделанный дубовыми панелями зал освещала лишь пятирожковая золотая люстра, висящая под высоченным потолком.

Людей в помещении было двое – склонившаяся над фанерным ящиком Кротовихина и слуга с гвоздодером, который как раз откладывал снятую крышку.

Внутри посылки горели огнем охапки оранжевых лилий. Не обратив на нас внимания, промышленница склонилась над цветами. Внезапно она замерла, на ее лице отразилось недоумение. Она наклонилась еще ниже и аккуратно раздвинула лилии. Затем вдруг резко отшатнулась назад. В глазах ее был запредельный, нечеловеческий ужас.

– Ж-Жоржик, Ж-Жорженька… – сорвалось с ее вмиг посеревших губ.

Она попятилась и закричала. Отчаянно и громко. В электрическом свете блеснули усыпанные сапфирами кольца. Пальцы Галатеи Харитоновны до крови впились в лицо, раздирая щеки, а затем ее надсадный крик вдруг оборвался – женщина тяжело пошатнулась и рухнула, теряя сознание.

Ариадна стальной тенью метнулась через кабинет, в последнюю секунду подхватывая промышленницу. Мы с Орестом Генриховичем опрометью бросились вслед за ней, склоняясь над упавшей в обморок промышленницей. Управляющий, сам белый как мел, спешно начал отдавать приказы конторским служащим. Застучали сапоги. Кто-то кинулся вызывать из города докторов, кто-то побежал за служащим при заводе врачом. Затем мы осторожно перенесли Кротовихину в комнату отдыха, уложив ее на диване.

Когда суматоха чуть-чуть улеглась, мы с Ариадной вернулись в кабинет промышленницы. Мне показалось, что за те минуты, что мы отсутствовали, тот успел полностью измениться. Воздух наполнил густой запах лилий и гнилого мяса. Полумрак, который я бы раньше назвал уютным, казался мне сейчас зловещим и почти живым. Пятирожковая золотая люстра, висящая под высоченным потолком, не могла разогнать клубящихся по углам теней. Темные гобелены еще сильнее гасили свет. С них на нас смотрели резвящиеся пастушки и фавны, но сейчас их лица выглядели лицами мертвецов, а улыбки – искаженными гримасами боли.

Мы прошли в центр зала, туда, где на мягком узорчатом ковре стоял квадратный ящик: с парой удобных ручек и обитыми железом уголками, он выглядел абсолютно стандартно. Такими ящиками очень часто пользовались заводы и мастерские для пересылки требующих бережного отношения деталей.

Я подошел ближе, старясь не вдыхать тошнотворную смесь сладковатого аромата лилий и мертвечины. Затем заглянул внутрь.

Ящик заполняло множество оранжевых лилий. Яркие, словно пламя, цветы окружала темная зелень крупных листьев. Лилий было много, очень много, но главным было то, что скрывалось под ними.

Жоржик нашелся. Если, конечно, то, что было внутри, еще можно было назвать Жоржиком. На обитом серебристой клеенкой дне ящика лежала вскрытая человеческая голова. Лобная кость отсутствовала, открывая серый мозг.

Рядом с головой убитого жениха Кротовихиной лежала отсеченная рука. Больше в ящике ничего не было, если не считать вложенного в побелевшие пальцы мертвеца листка дорогой синеватой бумаги.

Вытащив карманную обскуру, я запечатлел ящик. Затем мы убрали цветы на пол. Лишь после этого Ариадна осторожно высвободила листок из мертвых пальцев. На бумаге с помощью печатной машинки был набран следующий текст:

Уважаемая Галатея Харитоновна!

Я наблюдаю за вами с тех самых пор, как мной был убит Жоржик. Вы так трогательно переживаете о нем, так плачете. Пишете такие чудесные объявления в газеты. Мне доставляет огромное удовольствие видеть, как вы по нему страдаете.

Теперь я знаю, как сильно вы его любите. Теперь я вижу, как много он для вас значит. И раз ваше любящее сердце так болит, то я облегчу ваши муки.

Вам же наверняка хочется увидеть вашего ненаглядного Жоржика снова? Что же, наслаждайтесь, милейшая Галатея Харитоновна. Жоржик снова с вами. Частично, конечно, но это ведь лучше, чем ничего? Верно?

Ах да, милейшая Галатея Харитоновна, в газете вы писали, что вам тяжело без его добрых слов, без прикосновений его рук. Что ж, с добрыми словами теперь уже никак, зато руку приложу. Касайтесь ее сколько влезет. Правда, она чуть испорчена, пришлось срезать пару пальцев, чтобы снять перстни. Надеюсь, вы не будете в обиде, что украшения я оставлю себе? Вы же обеспеченная женщина, а я, увы, имею некоторое стеснение в средствах. Да и в конце концов, любимый человек все равно важнее! Ведь любовь, Галатея Харитоновна, – это самое дорогое, что есть у нас на свете. Так наслаждайтесь же ею и будьте счастливы!

– Подонок.– Я с отвращением уставился на глумливое письмо.

Ариадна укоризненно покачала головой:

– Виктор, я предложу вам не использовать эмоции. Эмоции вредны и вам, людям, они только мешают. Успокойтесь и дайте мне письмо.

Я раздраженно передал листок бумаги. Семь лет я работал в сыскном отделении, но цинизм убийцы пронял меня до глубины души.

Ариадна меж тем внимательно прочла послание, а затем, отложив его, принялась методично исследовать содержимое ящика. Белый фарфор ее пальцев побагровел.

– Что вы думаете о записке? – осведомилась Ариадна, не отрываясь от осмотра вскрытой головы жениха Кротовихиной.

Я еще раз взглянул на синеватый листок.

– Судя по виду текста, печаталась она на машинке «Импереаль» третьей или четвертой модели. Ж – чуть западает. Щ – немного смещена. Машинку опознать будет достаточно легко. А ты что думаешь?

Ариадна чуть помолчала, внимательно изучая пальцы отрубленной руки.

– Убийца показал отличное владение орфографией. Ошибок нет. Это свидетельствует о его хорошем образовании. Или ее. Я не увидела ни в одном предложении отсылок к полу преступника. Что же до самого текста… То я могу с большой долей вероятности предположить, что в нем присутствует ирония и даже элемент насмешки преступника. Две секунды. Я обработаю данные.

Ариадна замерла. Ее глаза замерцали синим огнем. Через две секунды она утвердительно кивнула:

– Да, моя логическая машина подсказывает мне, что преступник насмехается в письме над Галатеей Харитоновной. Он использует иронию.

– Да ты что? Неужели? – Мне только и осталось, что покачать головой.– А ты вот прямо точно уверена в этом?

Ариадна же посмотрела на меня предельно серьезно:

– Абсолютно, Виктор. Ведь в конце письма преступник с издевкой заявляет, что самое дорогое на свете – это любовь. А на самом деле, согласно загруженным в меня данным, наиболее дорогой вещью в мире на данный момент является находящийся в Зимнем дворце пятьсотсемиграммовый осколок Великой кометы, найденный в ходе экспедиции за реку Обь в 1856 году.

Ариадна постучала пальцами по краю ящика.

– Да, весьма ловкая шутка, основанная на обмане ожиданий. Очень неплохо. Очень. И особенно приятно, что я уловила ее смысл. Юмор людей все еще сложен для меня, но, как видите, с каждым днем я все лучше его понимаю. Не так ли?

Ариадна внимательно посмотрела мне в глаза, кажется, ожидая одобрения. Я вздохнул и вновь взглянул на посылку.

– Я потом тебе объясню, что там в письме. Давай теперь о теле. Думаю, стоит вызвать медика, но первые выводы сделать можно.

– Согласна с вами. Итак: череп распилен. Извлечена лобная кость. Инструмент, которым это сделали, может быть либо качественной ножовкой по металлу, либо пилой хирурга. Ею же отделены от тела голова и рука.Рука повреждена ударом тупого предмета. Возможно, убитый защищался. На ней же не хватает двух пальцев. На остальных под ногтями присутствует грязь и тина, что весьма примечательно. Что до остального – на лице ряд глубоких царапин. Пока не могу определить их характер точно. В целом же явно видно, что убит Жоржик несколько дней назад. В разрезах и ранах следы земли – думаю, сперва тело было закопано и лишь затем убийца изменил свои планы и отправил его сюда. Вот вся информация, которую я могу вам сообщить.

Я кивнул, Ариадна сказала все верно.

Закончив работу, мы покинули кабинет. К этому времени фабричную контору битком забил народ. Дорогой паркет попирали сапоги уездных стражников. Пахло ладаном и табаком – управляющий купчихи нервно затягивался папиросой, а спешно вызванный отец Гермен-тий окуривал все кругом из кадила. Приказчики и рабочие всех мастей бестолково суетились вокруг.

– Галатея Харитоновна как? – тут же спросил я у Ореста Генриховича.

– Я не знаю. Доктор не пускает. Кажется, сердце.– Управляющий нервно оглянулся на запертые двери комнаты отдыха.– Думаю, в больницу увезут. В Петрополис. Дирижабль уже в готовности. Так что я вас сейчас оставлю.

– Не оставите. До больницы вы доберетесь позже. Сперва ответите нам на вопросы,– перебил я управляющего.

Тот запротестовал, но замолк под моим взглядом.

– Где здесь можно поговорить спокойно? – уточнил я.

Орест Генрихович вздохнул и кивнул в глубь коридора:

– Хорошо, я понимаю. Пойдемте ко мне, переговорим. Только очень быстро. Молю вас.

Место работы управляющего разительно отличалось от кабинета его начальницы. Отде-ланный хромом и чугуном, просторный зал был строг и обставлен с огромным вкусом. Длин-ный стол из дорогой кровавой ели, доставленной из-за реки Обь, алел напротив высоченных окон. Стены занимали безукоризненно подобранные пейзажи модных художников. В углу сто-яла мраморная статуя античной нимфы, в лице которой я с удивлением заметил сильно при-украшенные черты госпожи Кротовихиной.

Мы сели в высокие кожаные кресла. Управляющий вытащил золотой портсигар, укра-шенный затейливой финифтью, мелкими сапфирами и эмалевым портретом своей началь-ницы, и вновь нервно затянулся папиросой. Прежде чем я произнес хоть что-то, Орест Генри-хович принялся быстро говорить:

– Послушайте, это не я. Поверьте мне. Я Жоржика ненавидел, клянусь, я его даже отра-вить хотел, но… Я же все разглядел. Там же голова в ящике. Голова. Я Галатее Харитоновне никогда бы такое…– Управляющий вновь нервно затянулся сигаретой.– Я же зачем взятку предлагал, думал, его подольше не будет, Галатея Харитоновна озлится и погонит его от себя наконец. Я ж не думал, что такое случится.

– Орест Генрихович, как ящик попал в контору? – остановил я поток слов управляющего.

– Ночью фабричный сторож услышал стук в ворота. Когда открыл, никого не было, только ящик этот чертобесов на дороге подъездной стоял, ленточкой обмотанный. Да, вот еще что! На нем еще визитка, Жоржику принадлежащая, лежала.– Управляющий принялся рыться в карманах.– Сейчас, я ее сохранил, где же она, ага, вот, держите.

Повертев визитку и не найдя никаких отпечатков или следов, что мог оставить убийца, я убрал ее в карман.

– Хорошо, что было дальше?

– Я прибыл на завод поутру. Мне доложили про ящик. Я, признаться, не хотел Галатее Харитоновне ничего говорить, но люд уже видел, поэтому утаить нельзя было. Вот, собственно, она прямо перед вашим приходом прилетела. Галатея Харитоновна как услышала про посылку, тут же расцвела и велела в кабинет ее нести и вскрывать.– Управляющий опустил глаза.– Я бы никогда с ней такого не сделал…

Я внимательно посмотрел на Ореста Генриховича. Было очень похоже, что он говорит чистую правду.

– У Галатеи Харитоновны были враги? – уточнила Ариадна.

– Способные вот на такое? – Управляющий поежился.– До сего дня я думал, что нет. У нее, конечно, есть конкуренты, есть люди, ею обиженные, всех и перечислять устанешь, но чтобы так…

– Хорошо, тогда вспомните врагов погибшего.

Орест Генрихович всплеснул руками:

– Да господи, какие враги, это ж Жоржик! У него в жизни только два врага – мадера да стол карточный. Все. Ну ладно, я его еще не любил, но вы поймите, я бы такое с Галатеей Харитоновной никогда…

– Хорошо,– вновь остановил я управляющего.– Что за ссора была между Жоржиком и вашей хозяйкой?

– Ссора? – Управляющий явно не хотел говорить, но быстро сдался.– Галатея Харитоновна требовала, чтоб Жоржик отписал ей землю. Он же Грезецкий. Ему в наследство от папеньки участок достался, вот тот самый, возле цехов, где сад. Галатея Харитоновна давно на эту землю посматривала, завод требует расширения, и участок подходит идеально, только сад выруби – и можно строиться.

– Жоржик был против?

– Конечно. Тут же их, Грезецких, фамильная земля. Она им вместе с дворянством самим Петром пожалована. По преданию, император первое дерево в саду этом посадил. А второе – Меншиков. Да вы что, Грезецкие садом гордятся страшно. Жоржик все свое наследство в карты промотал, а сад ни-ни. Вот, собственно, за участок этот Галатея Харитоновна и грызлась с Жоржиком уже пару недель как. И в тот день тоже. А вечером уже плюнула да и домой отправилась. А Жоржик пить пошел к братьям своим. Я предлагал локомобиль взять, а он уперся, мол, устал от столичного дыма – прогуляться хочет. Вот и прогулялся.– Управляющий покачал головой.

– Значит, он отправился в усадьбу с вами?

– Да, мне надо было у Феникса Грезецкого, младшего из братьев, консультацию по котлам получить. Но я там был недолго, только ужин начался, я оттуда и ушел. Меня на фабрику вызвали – мальчишку в станок затянуло.

Меня передернуло.

– Насмерть?

Орест Генрихович махнул рукой.

– Насмерть. Да еще и как назло так неудачно, что застрял прям намертво. Конвейер в цеху полностью встал. А у нас отгрузка товара утром. Я чуть не поседел, пока мы поломку устраняли. Так что меня тут все видели на заводе. Я тут ни при чем.

Я с неприязнью посмотрел на управляющего, но был вынужден продолжить разговор:

– Жоржа никто не видел, после того как он ушел из усадьбы, верно?

– Да, ни домой, ни на завод он не вернулся.

– Может быть, Жоржик с кем-то ссорился? В усадьбе? Кто там еще был?

– При мне ни с кем. А так там гостил Белоруков Аврелий Арсеньевич.

– Тот самый? Шеф жандармов? – округлил глаза я.

– А что вы удивляетесь? Он их двоюродный брат. Так, кто еще был: Платон с Фениксом, конечно, еще Ника, сестра их, и отец Гермент ий, да больше и никого, кроме прислуги. Вроде ужин мирно вполне начался. А дальше уж не знаю. Полиция говорила, что Жоржик в двенадцатом часу ушел, и все. Больше его никто не видел. Он перед исчезновением сказал, что на завод пойдет – его там служебный локомобиль ждал. Галатея Харитоновна ему личный завела, с шофером. Но на заводе он не появился.

Напоследок мы допросили еще и ночного сторожа, но, увы, ничего нового узнать не удалось. Подслеповато щурясь, охранник лишь сообщил, что постучали в ворота часа в три ночи, и более сказать не смог ничего.

Покинув контору, мы прошли вдоль высоких краснокирпичных цехов завода. Бьющие в небо копьями труб, сцепившиеся паропроводами и мостками, они проводили нас грохотом и шумом, но вот огромные здания вдруг расступились, и мы, миновав стоящую неподалеку от жилых бараков заводскую церковь, вышли на нетронутую часть берега. На добрые полверсты ее занимал терновый сад. От завода по берегу залива тянулась дорожка из мелкого битого кирпича, усыпанного сверху нарубленными стеблями рогоза.

Именно этим путем Жоржик отправился в гости к своим братьям и этим же путем должен был вернуться.

Мы с Ариадной пошли по битому кирпичу.

– Насколько же сильно нужно было ненавидеть Галатею Харитоновну, чтобы решиться на такой поступок,– задумчиво произнес я.

– Почему вы рассматриваете именно вариант ненависти? Убийцей могло двигать и обычное сумасшествие,– предположила Ариадна.

Я улыбнулся. Нечасто мне доводилось ловить свою напарницу на ошибке.

– Да, убийца, конечно, может быть и сумасшедшим, но поступок свой он совершил именно из-за ненависти к Галатее Харитоновне. Об этом говорит букет оранжевых лилий.

– Я вас не понимаю, Виктор.– Ариадна наклонила голову.

– Просто ты еще недостаточно прожила среди людей. Поэтому ты не все знаешь о наших обычаях.– Я мягко улыбнулся напарнице.– Ты слышала о «языке цветов»? Видишь ли, в нашей культуре каждый подаренный цветок имеет свое значение. Коралловая роза – это символ страсти, а красная – настоящей любви. Амарант же тоже означает любовь, но любовь вечную. Что еще? Одуванчик – кокетство, миндаль – обещание. Бальзамин – «Мы не ровня» или «Нетерпение», зависит от контекста.

В голове Ариадны защелкали шестерни. Она посмотрела на меня немного настороженно, точно ожидая, что я подшучиваю над ней.

– Серьезно? Вы шифруете информацию с помощью подверженных быстрому гниению органов семенного размножения цветковых растений? – Ариадна остановилась и прикрыла глаза.– Десяток секунд, Виктор, мне нужное понизить мое мнение о человечестве. В смысле еще сильнее, чем раньше.

Что-то защелкало в мозгу моей напарницы. Наконец она кивнула:

– Отлично, все сделано. Итак, какая же расшифровка у лилий?

Я недовольно посмотрел на Ариадну, но ответил:

– Тоже зависит от цвета. Белая – это чистота и непорочность. Желтая – веселье и легкомыслие. Алая – возвышенные намерения. Тигровая – процветание и гордость.

– И что же означают оранжевые лилии?

– Ненависть и отвращение. И только эти два чувства. Поэтому убийца оставил нам вполне ясное послание о своем отношении к Галатее Харитоновне.

– Я вижу, вы знаток этого, как вы выразились, «языка цветов».

Я пожал плечами.

– Каждый образованный человек обязан это знать.– Я улыбнулся напарнице.– Сейчас чуть раскидаем дела, я найду вечерок и привезу тебе цветов. Научу, как правильно делать букеты-послания. Это целая наука.

Ариадна чуть улыбнулась в ответ и покачала головой:

– Простите, Виктор, про символику цветов я почитаю – это может быть важным в расследованиях, но букеты составлять откажусь. Неподходящее занятие для машины. Давайте вы, люди, будете заниматься подобными глупостями, а я свое свободное время буду тратить на полезные вещи.

– Ариадна, ты на прошлой неделе прочитала по третьему разу словарь Ушакова, а позавчера весь обед телефонный справочник изучала. Притом устаревший, десятилетней давности. Я же тебе сколько книг купил. Ты еще стихи Фальконетова не читала, «Новомальтийские рассказы» пылятся, за «Асбестовый браслет» даже не бралась, а ты справочник телефонный читаешь.

– А что вы имеете против? Я уже изучила почти пять десятков написанных людьми художественных книг. Этого достаточно. В них все вечно повторяется: сюжеты одни и те же, людские глупости одни и те же. Те же чувства. Те же слова. Даже буквы одни и те же. Нет, Виктор, единственный достойный памятник литературы, что произвело человечество за свою историю,– это словари и, конечно же, телефонные справочники. Это немыслимо прекрасная вещь. Вы не представляете, я листаю их и каждый раз не могу оторваться. В стихах рифмы легко предсказуемы, а здесь никогда не угадаешь, какая числовая комбинация будет напротив следующей фамилии в списке! А главное, телефонные справочники, в отличие от остальной вашей литературы, смешные.– Ариадна порылась в карманах и раскрыла пеструю от закладок книжечку.

– Подожди, ты его с собой теперь таскаешь?

– Конечно. Как я могу такую книгу в управлении оставить? Вот послушайте – например, вы знаете, какой телефон у Перфилия Васильевича Восьмеркина? 33–73–55. Ни одной восьмерки. И ни одной цифры, на которую бы можно было разделить восемь без остатка. Но если сложить все цифры между собой, получается-то двадцать шесть! А два и шесть – это что? Восьмерка! Ну разве не прелесть? Я положительно очарована Перфилием Васильевичем! Он теперь один из моих самых любимых литературных героев.

Ариадна с величайшей нежностью прижала телефонный справочник к груди.

Вздохнув, я пошагал дальше.

Меж тем рядом с идущей вдоль берега тропой открылась дорожка, уводящая в глубь тернового сада.

– Он возвращался на завод через сад, не находите?

Ариадна подошла к ближайшему дереву, рассматривая белую от цветов ветвь. Затем притронулась к длинным, острым шипам, ломая их нажатием своих фарфоровых пальцев.

Я вспомнил царапины на лице Жоржика. Действительно, он мог их получить, продираясь через колючие ветви.

– Что ж, значит, пойдем этой дорогой,– кивнул я, и мы свернули на тропку, уходящую в сад.

Цветущий терновник обступил нас, скрывая небо переплетением колючих ветвей. К запаху дыма и мазута примешался тонкий запах цветов, напоминающий горький миндаль. С тревогой я посмотрел наверх. То там, то здесь в кронах деревьев висели сделанные из костей

амулеты, перевязанные длинными черными лентами. «Блестят словно хитин»,– почему-то подумалось мне, когда я поглядел на них в свете вышедшего из-за тучи солнца.

Мы вышли на главную аллею. Мощенная плиткой, обставленная газовыми фонарями, она вела в сторону усадьбы. Костяные амулеты висели и здесь.

Минут через пять мы миновали небольшую одноэтажную винокурню, стоящую в глубине сада, а вскоре терновник расступился, открывая усадьбу Грезецких. Богатый дом, флигеля и мастерские, все это было отделено от нас высокой черной оградой, вгрызающейся в небо штыками черных шипов, а прямо перед ней был вырыт глубокий сухой ров.

Он был весьма старым и уже успел хорошенько оплыть, но на его заросшем бурьяном дне по-прежнему виднелись заточенные ржавые колья. Перекинутый через ров широченный железный мост вел к высоким решетчатым воротам, по бокам от которых стояло два бетонных постамента. Один был пуст, на втором же возлежала статуя огромного железного сфинкса. Черный, крылатый, он задумчиво поднимал к небу свое бесстрастное лицо, красоту которого не смогли отнять даже приходящие из столицы кислотные дожди.

Мы с Ариадной шагнули на металлический настил моста и направились было к воротам, но тут что-то щелкнуло, точно взвелись курки гигантского ружья. Веки на маске статуи поднялись, открывая стеклянные, светящиеся желтым огнем глаза. Раздался скрежет, и сфинкс начал подниматься. Он вставал медленно, но в каждом его движении чувствовалось лишь одно – титаническая мощь, заключенная в эту машину.

Маска робота пришла в движение, нижняя челюсть отъехала, открывая черный провал рта. Из чрева механизма послышался приглушенный шум, какой бывает, когда в автограммофон заряжают новую пластинку. Из пасти сфинкса раздалось шипение, а затем записанный на пластинку приятный женский голос произнес:

«Отгадайте загадку. Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером лишается рук и ног и лежит в луже крови, разодранный моими когтями?»

Машина помедлила несколько секунд. Затем четко произнесла:

– Правильный ответ: это вы.

Сфинкс со щелчком выпустил стальные когти, которыми явно можно было вскрывать бронированный жандармский локомобиль. Миг – и многотонная машина легко соскочила с постамента. Оглушительно загудел металл: тяжелые лапы ударили о мост.

Вытаскивать револьвер против такой махины я даже не пытался. Рванув за ворот выпустившую было лезвия Ариадну, я отшвырнул напарницу к себе за спину, после чего принялся медленно отступать.

Сверкая желтыми глазами, сфинкс неторопливо шел прямо на нас.

– Стоять! Стоять, идиотины кусок! – раздался громкий крик с крыльца одной из мастерских.

На дорожку выбежал молодой мужчина в кожаной куртке и белом шарфе. Следом за ним выскочила высокая, тощая как жердь женщина в простом черном платье и белом переднике, держащая в руках мокрый веник.

Сфинкс донесшимся приказам не внял от слова совсем и продолжил мягко идти в нашу сторону. Мужчина, кажется и не рассчитывающий на силу своих слов, добежал наконец до ворот и скрылся в стоящей возле них будке. Женщина же бесстрашно выскочила наружу и кинулась прямо наперерез многотонной машине.

– Варвара Стимофеевна, когти! – рявкнул мужчина, выбегающий из будки со стремянкой в руках.

Взмах отточенных лезвий охранной машины рассек воздух прямо перед лицом служанки. Ответный взмах. Мокрый веник рассек воздух прямо перед лицом сфинкса. Машина попятилась.

– Когти он мне показывать вздумал! – Варвара Стимофеевна вновь взмахнула веником и от души шлепнула сфинкса по бесстрастному железному лицу.

Янтарные глаза машины нехорошо полыхнули. В чреве робота раздался щелчок. Пластинка сменилась. Из граммофона послышалось угрожающее рычание.

– Рык он мне включать вздумал! – Варвара Стимофеевна наградила машину новым ударом веника.

Мужчина между тем уже расставил стремянку перед охранным механизмом и, взлетев по ступеням, принялся копаться в карманах. Достав оттуда целый ворох перфокарт, он быстро перебрал картонки и ловко сунул в прорезь рта сфинкса одну из них.

Робот замотал головой и попытался выплюнуть вставленную в него перфокарту, но вновь получил веником от служанки и наконец покорно принял свою участь. Прошло мгновение, затем другое. Щелкнуло. В голове механизма стремительно заработали шестерни. Цвет глаз сфинкса сменился с янтарно-желтого на изумрудно-зеленый. Облегченно вытащив перфокарту, мужчина спустился вниз. Машина же как ни в чем ни бывало вновь вспрыгнула на постамент.

– Вот ведь кара фараонова.– Служанка вскинула веник, грозя механизму.– Еще раз такое учинишь, мы тебя на запчасти пустим.

Мужчина устало поправил шарф и вздохнул:

– Варвара Стимофеевна, да что вы ему угрожаете, это машина, она ничего не понимает.

– Феникс Альбертович, я вас умоляю, да получше вас она все понимает, только вид делает, что дурная!

Я раздраженно кашлянул, привлекая к нам внимание. Вздрогнув, мужчина обернулся. Выражение на его лице было самое извиняющееся. Только сейчас я наконец нормально его разглядел. Он был моего возраста, весьма хорош собой, однако же на одну секунду чем-то Феникс Альбертович напомнил мне Орфея Клекотова, но прошел миг, странная ассоциация исчезла из головы.

– Неловко-то как вышло, простите! Братец, видно, опять утром охранный режим отменить забыл. Вот незадача. Вы не пострадали? У вас все хорошо?

Я возмущенно посмотрел на Грезецкого:

– Ничего себе охранный режим – он нас чуть не разделал!

– Да вы не беспокойтесь, сфинкс вас пугал только. Вы же видели – глаза желтым горели. Тут простая сигнализация: зеленый – иди, желтый – жди, красный – беги, и притом желательно со всех ног.– Мужчина вдруг хлопнул себя по лбу, шагнул к нам, протягивая руку: – Феникс. Без отчества можно. Брат хозяина этой усадьбы.

Он крепко пожал руку мне, затем Ариадне, посмотрев на мою спутницу с явным интересом. Потом указал на служанку:

– А это Варвара Стимофеевна, наша экономка и ангел, на котором здесь все держится.– Феникс улыбнулся.

Служанка сухо кивнула, настороженно глядя на нас.

Феникс продолжил:

– Нам уже звонили с завода. Прошу в усадьбу. Платон уже извещен, вот-вот он закончит работу в лаборатории и присоединится к нам.– Феникс еще раз покосился на охранную машину и повел нас внутрь двора.

Около мраморных ступеней главного входа в усадьбу невозмутимо возлежали на постаментах еще двое сфинксов. Глаза их горели спокойным зеленым светом.

– Занятные механизмы,– кивнул я на машины.– Давно сделаны?

– Да при декабристах еще.– Феникс пожал плечами.– Сами знаете, что в Петрополисе творилось, когда Пестель власть взял. Времена неспокойные настали, вот прадед наш, Тифонослав Грезецкий, тогда их и собрал для защиты усадьбы.

Феникс гордо улыбнулся, смотря на машины, но тут же нахмурился.

– Одна беда, постоянно штуки какие-то выкинуть норовят. Платона, как старшего в роду, они по голосу слушаются, но остальным в них перфокарты запихивать надо, а с этим так порой намучиться приходится, хоть вой.

Пройдя мимо безразлично наигрывающих какие-то граммофонные мелодии охранных машин, мы поднялись на крыльцо с безукоризненно выбеленными колоннами и вошли в усадьбу.

Расположились на втором этаже, в зале, который Феникс назвал Сибирской гостиной. Естественно, обставлена она была полностью под стать названию: полы были выстланы паркетом из кровавой ели, из угла скалилось десятком пастей многоглазое чучело ложного медведя. Стены украшали костяные копья и каменные палицы, коими пользуются воины племен, живущих за рекой Обь, а также костяные маски младших сибирских богов.

На дальней же стене висело авторское повторение знаменитой картины Архипа Еменджи «Ночь на реке Лене в 1667 году».

Затаив дыхание, я невольно шагнул ближе. Мастерство художника зачаровало меня. Рушащаяся на тайгу двухвостая зеленая комета, казалось, была написана не красками, а самим светом. Сияющая дорожка на глади реки Лены ощущалась живой и колеблющейся.

Детальность полотна изумляла. Будучи большим ценителем живописи, я видел первый вариант картины несколько лет назад, когда, отстояв огромную очередь, посетил выставку Общества поощрения художеств. Уже тогда работа мастера поразила меня, однако висящее в усадьбе полотно было еще лучше. Картина будто ожила сильнее. Воздух стал еще ощутимее. На переднем плане появились вспугнутые птицы и бегущие прочь звери. На берегу реки затеплил окошко маленький скит, увенчанный серебристым крестом, возле которого стояла крошечная, сделанная в один мазок кисти человеческая фигурка. Без сомнения, художник изобразил святого Левонтия, первого из людей, что узрел сошествие в наш мир сибирских богов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.